

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации
Кафедра литературы и методики её преподавания

Современная детская литература Урала
Магистерская диссертация

Квалификационная работа
допущена к защите

Зав. кафедрой литературы и
методики её преподавания
Института филологии, культу-
рологии и межкультурной
коммуникации
кандидат филол. наук, доцент
Тагильцев А. В.

дата

подпись

Исполнитель:

Файзулина Дина Ринатовна
студент группы МЛО-1601z

подпись

Научный руководитель:

Барковская Нина Владимировна,
доктор филол. наук,
проф. кафедры литературы и
методики её преподавания

подпись

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТРАВЕЛОГ И ЕГО ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА.....	6
§ 1.1. Специфика жанра травелога.....	8
§ 1.2. Травелог как метажанр.....	10
§ 1.3. Основные жанровые характеристики травелога.....	16
§ 1.4. Травелог в детской литературе.....	25
ГЛАВА 2. ТРАВЕЛОГ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ УРАЛА.....	30
§ 2.1. Характерные особенности современных детских травелогов на примере конкретных изданий.....	32
§ 2.2. Современные уральские травелогии для детей: реализация устойчивых признаков жанра.....	51
§ 2.3. Современные уральские травелогии для детей: особенности художественного оформления.....	55
§ 2.4. Семантика Урала в современных детских травелогах.....	58
§ 2.5. Детские травелогии как часть современной литературы.....	65
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	68
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	71

ВВЕДЕНИЕ

Современное литературное пространство невозможно представить без детской литературы, которая была и остается значимым культурным и социальным явлением. Детская литература ставит перед собой множество целей, но каждая из них оказывает немалое влияние на формирование личности ребенка, на его мировоззрение и нравственные ориентиры.

Каждый год появляется большое количество произведений, написанных для детей, поэтому необходимо пристально и своевременно изучать состояние современной детской литературы.

Книги для детей, написанные уральскими писателями, представляют для нас особый интерес. Романы, рассказы, сказки и сказы – современная детская литература Урала отличается жанровым разнообразием; в представленной работе мы сфокусируем наше внимание на произведениях, написанных в жанре **травелога**.

Сегодня с полной уверенностью можно говорить о росте интереса к своей родной земле, к региональному аспекту культуры, а значит, и к жанру литературной географии, особенно к травелогам. Этим определяется **социокультурная актуальность** нашей темы исследования. Вместе с тем научных исследований в области детской литературной географии Урала не очень много, поэтому **актуальность** выбранной темы обусловлена и ее недостаточной **теоретической** освещенностью.

Помимо того, недостаточно изученным представляется момент **теоретической рефлексии** над спецификой литературы нон-фикшн в круге детского чтения, несмотря на ее возрастающую популярность, а также над жанровыми разновидностями «литературных путешествий».

Практическая значимость магистерской диссертации заключается в том, что на основе представленного исследования детской литературы Урала в

жанре литературной географии педагогом могут быть подобраны материалы к элективному курсу школьной программы.

Цель исследования – изучить особенности жанра травелога и его разновидностей на материале литературных путешествий по Уралу, написанных современными детскими писателями.

Достижение цели предполагает решение ряда **задач**:

1. Охарактеризовать ведущие параметры жанровых особенностей травелога и его разновидностей.
2. Систематизировать сведения о детской литературе Урала в жанре травелога.
3. Охарактеризовать роль и особенности бытования травелога в современной детской литературе Урала.
4. Проанализировать образ Урала, создаваемый современными авторами литературных травелогов.

Объектом исследования выступает современная детская литература Урала в жанре травелога и его разновидностях.

Предмет исследования – особенности, роль и идейная значимость книг об Урале, способы создания образа родной земли в современных литературных травелогах.

Методы исследования: используется структурно-семиотический метод исследования, жанровый анализ, метод контекстуального рассмотрения произведений в системе культуры; элементы стилового анализа.

Методологическая база исследования: работы, связанные с теоретическими аспектами жанровой специфики травелога: «Русский травелог XVIII–XX веков» под редакцией Т.И. Печерской, «Литературная география. Географические образы в русской художественной литературе» В.П. Максимовского, статьи «Современный литературный путеводитель: варианты освоения инокультурного пространства» Н.В. Барковской,

«Путешествие как литературный жанр» А.Г. Битова; статьи петербургского исследователя А.А. Майга; а также исследования Е.С. Ивашиной, М.В. Строганова, Н. А. Никитина, Н.А. Туляковой и др.

Учтены работы, посвященные научному освещению категорий жанра и метажанра: труды Н.Л. Лейдермана «Жанровые системы литературных направлений и течений», «Движение времени и законы жанра: жанровые закономерности развития советской прозы в 60-70-е гг. », Ю.Н. Тынянова «Поэтика. История литературы. Кино», пермского литературоведа Р.С. Спивак «Русская философская лирика: Проблемы типологии жанров», Е. Бурлиной «Культура и жанр: Методологические проблемы жанрообразования и жанрового синтеза» и др.

Материалом для магистерской диссертации послужил ряд травелогов, адресованный детям и среднего и младшего школьного возраста. Травелогги написаны уральскими авторами и опубликованы не позднее 2000 года.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка используемой литературы.

Во **введении** указывается степень научной разработанности темы, обосновывается актуальность избранного направления исследования, обозначаются предмет, объект, цель, задачи, формулируются методы исследования, практическая значимость и описывается структура исследования.

В первой главе – «Травелог и его жанровая специфика» – определены понятия и сущность травелога как жанра, выявлены его основные характеристики, а также предложен взгляд на травелог как метажанр.

Во второй главе – «Травелог в современной детской литературе Урала» – рассмотрены образцы уральских книг-травелогов, проанализированы их устойчивые признаки в аспекте жанра, а также специфика их оформления и пространственная семантика.

В заключении обобщаются результаты проведенного исследования бытования уральских травелогов для детей в современном литературном

процессе.

ГЛАВА 1. ТРАВЕЛОГ И ЕГО ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА

Цель главы – охарактеризовать ведущие параметры жанровых особенностей травелога и его разновидностей.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить ряд **задач**:

- 1) исследовать существующие научные взгляды на жанровую природу травелога и литературной географии;
- 2) выявить основные жанровые характеристики и признаки травелога;
- 3) исследовать бытование травелогов в детской литературе.

Прежде чем приступить к анализу научных взглядов, мнений и гипотез, касающихся жанра травелога, кратко рассмотрим историю становления литературной географии.

Первые описания путешествий появились еще в эпоху античности – в VIII в. до н. э. Гомер в своей «Одиссее» представил историю долгого и трудного путешествия, которая рассказывала и о чужих землях, и о приключениях, и о внутренних переживаниях героя.

На протяжении столетий человек открывал все новые земли и маршруты, и, вслед за ним, менялся и преобразовывался жанр травелога, но, так или иначе, интерес к нему не угасал.

Любопытным представляется то, насколько тесно травелог привязан к той или иной исторической эпохе, как точно отражает культурные, психологические и даже экономические воззрения и своего современника.

В Средневековье, например, с его огромнейшей ролью религии во всех сферах жизни, можно отметить очерки паломничества. Христианские и мусульманские путешественники отправлялись в Рим, Иерусалим, Мекку, и их очерки впоследствии становились источниками географических знаний.

В России травелог и в то время отличались особенностями, например, известное «Хождение за три моря» Афанасия Никитина значительно шире

рамок религиозного паломничества, в том числе в географическом отношении.

Если говорить о травелоге как о литературном жанре, то он сформировался как таковой только к середине XVII века. Петербургский исследователь А.А. Майга, вслед за канадским профессором Н. Дацутом, называет и конкретный год – 1632. Именно тогда появился термин «*récit de voyage*» [Майга, 2014, 254-258].

Расцвет травелога пришелся на XIX век, век географических открытий, научных экспедиций и колониальной экспансии. Изменилась и фигура писателя – теперь это не только лишь миссионер, моряк, купец или дипломат, но зачастую полноценный, профессиональный литератор.

В западноевропейской культуре именно литература странствий становится базой для плутовского романа и романа в целом.

Безусловно, современные писатели реже обращаются к жанру травелога: его функции во многом реализуют телевидение и Интернет. Кроме того, на нашей планете практически не осталось неизвестных современному человеку уголков. Однако ошибочным стало бы утверждать, что травелог исчезает. Более того, в последнее десятилетие можно заметить рост интереса к данному жанру.

Журналисты и писатели, а также обычные пользователи Сети продолжают делиться наблюдениями о своих путешествиях. Даже вовсе не ориентированный на взыскательного читателя журнал *Cosmopolitan* в летнем номере публикует статью «Путевые заметные»: «Раньше из дальних стран привозили широкие, как душа советского человека, джинсы-клеш и видеотехнику. Теперь туристическая мода требует от нас умения писать путевые записки или, говоря современным языком, травелоги». В этой статье, помимо краткого экскурса в историю травелога, даются «советы начинающим травелогерам» [*Cosmopolitan*, 2012, URL].

До сих пор есть много желающих издать книгой или хотя бы выложить в блоге записи о том, как прошла поездка, что интересного увидел автор-

путешественник. Далеко не все подобные записи имеют большую литературную ценность, однако и они находят свою аудиторию.

Сохранение жанра травелога в современном литературном процессе не случайно. Человек так устроен: понять себя, выстроить свой образ можно, сравнив с другими, понимание вырабатывается посредством идентификации. При этом необходимо учитывать, что травелог отнюдь не сводится к описанию чужих земель, обычаев и нравов. О. Балла в статье «Нефотографизмы: преодоление травелога» рассуждает о смещении фокуса травелога с внешнего мира – внутрь субъекта: «Происходит, так сказать, интериоризация, «овнутрение» путешествия. Пишущим всё больше интересно описание не столько зримого мира самого по себе, сколько взаимодействующего с ним человека, его внутренней феноменологии» [Балла, 2013, URL].

В последующих главах мы рассмотрим травелоги, описывающие путешествия по родному краю, что также позволяет говорить о травелогe как жанре, позволяющем читателю найти и определить свое место в текущем историческом и культурном пространстве.

По словам Гун-Брит Колер, «именно региональной истории литературы и региональной теории предстоит систематизировать литературные феномены в глобализированном мире» [Колер, 2009, 299].

С другой стороны, травелог можно рассматривать в контексте общего внимания к литературе нон-фикшн (англ. non-fiction).

Наконец, в мировой культуре существует устойчивая идея о том, что странствие необходимо для человека как способ взросления и становления личности.

§ 1.1. Специфика жанра травелога

Прежде чем говорить о жанровых особенностях травелога, следует выяснить, какой смысл вкладывают в данный термин исследователи, но задача эта не так проста, как может показаться на первый взгляд.

Исследователи не могут прийти к общему мнению о конкретном объяснении понятия, и тому есть несколько основных причин.

Е.С. Ивашина, анализируя русскую литературу, выдвигает теорию о существовании автономного жанра, содержащее в себе «литературное путешествие, которое в явной или скрытой форме может выступать в качестве одного из элементов художественного произведения или существовать самостоятельно» [Ивашина, 1979, 3-16].

Сегодня термин травелог вытесняет и заменяет собой целый ряд понятий: путевые заметки, путевые дневники, очерки или заметки.

По словам М.В. Строганова, «понятие травелог не так давно вошло в научный оборот и пока не затвердело в границах строгих дефиниций. Проблемы уяснения его жанровой сущности и временных границ связаны с разнообразием феноменов художественного и научного творчества, которые называют этим термином» [Строганова, 2013, 176].

Так, например, доктор филологических наук А.В. Полонский в статье «Травелог и его место в современной журналистике» относит к травелогам довольно впечатляющий корпус текстов: дневники путешествий; судовые журналы мореплавателей; отчеты об экспедициях; записи разведчиков; путеводители и справочно-энциклопедические материалы; записи паломников, газетные и журнальные корреспонденции, очерки и эссе, описывающие живо и увлекательно или же скупой и критически впечатления об увиденном; художественная, приключенческая, детективная, фантастическая литература о путешествии в «другое» пространство и время; лекции, в которых хронологически описывается, анализируется и оценивается конкретный опыт путешествия; подробные отчеты-презентации о путешествии, многообразные разборы «полетов во сне» и «странствий души» в поисках значимых смыслов и событий в глубинах культурной памяти или культурных проектах; рассказы фанатов об их поездке на встречу с кумирами и о том, как достать билеты, откуда удобнее смотреть матч и т.п. [Полонский, 2015, 207–215].

Исследователи обращают внимание на «полижанровость» и «вариативность» жанра травелога, которому дать однозначное определение трудно.

Н.А. Никитина и Н.А. Тулякова в статье «Жанр травелога: когнитивная модель» анализируют травелог с точки зрения когнитивной лингвистики. В качестве элементов жанрового «ядра» ими выделяются: наличие фигуры повествователя-путешественника и пространственно-временная дискретность [Никитина, Тулякова, 2013, URL].

Сама суть жанра травелога предполагает наличие в нем синтетических свойств, которые препятствуют строгой жанровой дифференциации.

Травелог близок к дневниковому повествованию, находится на стыке документального и художественного нарратива; пограничен между литературой, историей и географией и находится на перекресте нескольких литературных жанров.

Еще Н.Г. Чернышевский замечал: «Путешествие – это отчасти роман, отчасти сборник анекдотов, отчасти история, отчасти политика, отчасти естествоведение. Каждому читателю дает оно все, что только хочет найти он» [Чернышевский, 1948, 997].

Изучая научные работы, посвященные травелогам, нетрудно заметить, что исследователи считают целесообразным указать на недостаточную разработанность понятийного аппарата. Действительно, терминологическая база достаточно размыта. В травелогах зачастую используется большой набор традиционных жанров и жанровых форм. В то же время литературе путешествий свойственно определенное идейно-тематическое и структурное единство, поэтому жанровая природа травелогов закономерно вызывает вопросы. Возможно, ответы на них кроются в наджанровых категориях.

§ 1.2. Травелог как метажанр

Последние десятилетия прочно вошло в литературоведение такое понятие, как метажанр. На сегодняшний день сложно говорить о

фундаментальной изученности и данной категории – в теории ее существует ряд актуальных проблем. Однако в нашей науке метажанр все же получил достаточное научное осмысление. Остановимся подробнее на трех наиболее выдающихся метажанровых концепциях.

Пермский литературовед Р.С. Спивак понимает метажанр как «структурно выраженный, нейтральный по отношению к литературному роду, устойчивый инвариант многих исторически конкретных способов художественного моделирования мира, объединенных общим предметом художественного изображения» [Спивак, 1985, 53]. По мнению исследовательницы, предметом художественного изображения в структуре метажанра становится явление как таковое, которое описывается в единстве с разных сторон, либо в причастности к некой ограниченной общности сопоставления с чужой.

В рамках работы для нас важно подчеркнуть следующее: метажанр является устойчивым способом создания художественных миров, имеющим общий предмет художественного описания. Метажанр позволяет осмыслить способ изображения действительности на более абстрактном уровне, выявить «цели изобразительной выразительности в разрезе всеобщего» [Спивак, 1985, 53], что, несомненно, важно, поскольку понятия жанра и метажанра связаны целью коммуникации.

Позиция Р.С. Спивак перекликается с позицией Н.Л. Лейдермана (высказанной, к тому же, ранее), для которого главным признаком метажанра является принцип построения художественного мира, это «некие общие конструктивные принципы, присущие ряду родственных с этой точки зрения жанров и опредмечивающая их семантическое родство» [Лейдерман, 1982, 135]. Метажанр распространяется сначала на объективно близкие, а затем на все более отдаленные жанры, «ориентируя их структуры на освоение действительности в соответствии с познавательной-оценочным принципом метода, господствующего в направлении» [Лейдерман, 1988, 7]. Возникнув в

рамках литературного направления, метажанр зачастую становится ядром бытующей жанровой системы.

Н.Л. Лейдерман указывает на взаимосвязь своих размышлений по поводу метажанра с идеями Ю.Н. Тынянова о существовании так называемых «старших жанров» [Тынянов, 1977, 245]. Метажанры могут включать в себя произведения разноплановые, не состоящие в диалогической связи, однако близкие семантически.

Еще одна особенность метажанра, на которую указывают исследователи, – стремление его выйти за рамки литературного пространства в другие виды искусства: музыку, кино, скульптуру и т.д. Здесь можно привести в пример концепцию Е. Бурлиной. По ее мнению, метажанр выступает как «способ функционирования метода» [Бурлина, 1987, 45], причем в культуре времени в целом (подобным метажанром исследователь называет комсомольскую поэзию). Однако эта точка зрения кажется нам менее убедительной.

Кратко рассмотрев некоторые метажанровые концепции, выделим основные признаки метажанра и посмотрим, насколько они подходят для размышлений о травелогах.

а) Метажанр имеет общий предмет художественного описания, является устойчивым способом создания художественных миров.

Скорее всего, именно данный признак вызовет меньше спорных вопросов. Предмет изображения в травелогах обычно – это то, что может описать путешественник: топографическая среда, культурные и архитектурные памятники, природа, быт людей, легенды и мифы края.

Другой вопрос, какие именно элементы выберет автор и по какому принципу соединит их. Отсюда множественность вариантов изображения мира в травелогах. Если десяток путешественников побывают на Урале и потом напишут травелоги, то на выходе мы получим десяток художественных миров при общем предмете описания.

Добавим, что это и отличит травелог от документального справочника-путеводителя. Пространство во времени тоже может изменяться: или это будет современный Урал, или советский опорный край державы, или мистическое «место силы» в глубине руд или синих лесов. Однако предмет изображения в травелоге, а также наличие фигуры автора-повествователя – величины относительно постоянные.

б). Метажанр непременно связан с культурой своей эпохи.

Несомненно, любое литературное произведение является отражением, «продуктом» своего времени, но именно травелог, пожалуй, в наименьшей степени можно обвинить в закостенелости жанра. С течением времени травелог претерпевал множество изменений, от странствия Богородичных икон (как передвижение из одной страны в другую, из одной земли в другую), до журналистских заметок в LiveJournal.

Здесь для нас важно отметить следующее: травелог, имея один предмет изображения (Урал, например) в разные исторические эпохи будет отвечать запросам своего времени. Сейчас, в век глобализации, порою даже в бессознательном стремлении сохранить свою культурную идентичность, отмечается интерес именно к травелогам о своей родной земле. Как мы видим, фокус повествования периодически смещается: дальние страны и познание «чужого» интересны, но важнее – родная земля и обретение себя, своих корней. Структурная же организация травелогов и вовсе предлагает огромное количество вариантов.

в). Метажанр зачастую становится если не ядром, то одним из основных представителей бытующей жанровой системы.

При всем интересе современных авторов к травелогу, нельзя сказать, что он играет главенствующую роль в литературе. Но и здесь косвенная связь прослеживается, если мы будем учитывать, что травелоги по сути своей можно отнести к весьма популярной сейчас познавательной литературе, которая всегда привязана к конкретным фактам и включает в себя широкий спектр произведений и книжной продукции.

«Эмоций, которые даёт художественная литература, сейчас выше крыши и в жизни. А вот новых идей, знаний и смыслов людям недостаёт. Именно в поиске каких-то важных точек, целей, в самообразовании и есть причина роста интереса читателей к нон-фикшн», – поясняет генеральный директор издательства «Альпина нон-фикшн» Павел Подкосов в интервью «Частному корреспонденту» [Подкосов, 2015, URL].

г). Метажанр выходит за рамки литературного пространства.

Нельзя сказать, что **травелог** проник в большинство сфер культуры и искусства, но и такие образцы встречаются. Первое, что большинство вспомнит – это фильмы, наподобие тех, что транслирует National Geographic, по сути являющиеся видео-травелогами. Например, оренбургский врач и журналист Н.Н. Кузнецов выкладывает на своем ютьюб-канале лично снятые и смонтированные видео-дневники о своих путешествиях. В фильме «От Урала до Байкала на велосипеде», который идет больше часа, автор рассказывает об истории посещаемых мест, делится личными впечатлениями, раскрывает некоторые практические аспекты путешествия, знакомится и знакомит зрителей с коренными жителями сел и деревень многонационального Урала.

Также существуют и активно развиваются каналы «травелогеров» – так называют себя блогеры, выкладывающие в сеть небольшие ролики о своих путешествиях. «Второй выпуск травелога тоже снят в Лейпциге в мае – в сезон спаржи. Поэтому и пробовать будем спаржу, разговаривать про евреев, Баха и местное пиво», – анонсирует ютьюб-канал ЕдимТВ [ЕдимТВ, 2018, URL].

Другой пример, не столь очевидный – квесты по Уралу, находящиеся на сложном пересечении игры, экскурсии и похода, но при этом сама организация их требует от автора подхода творческого. Для участников это возможность узнать больше о родном крае, по сути, «прожить» травелог здесь и сейчас. Вот что предлагает школам туристическая фирма «Аркаим-Трэвел»: «Квесты для школьников в Екатеринбурге – это масштабная

интерактивная игра, направленная на изучение истории основания города, его загадкам и легендам. В самом центре города участников встретит Хозяйка Медной Горы, которая приготовила интересные головоломки и красочные легенды. Это новый формат обзорной экскурсии, сочетающий в себе рассказ о периоде основания города, интересные задания и интерактивную игру. Для прохождения задания ребятам необходимо узнать историю, легенду или исторический факт» [Мир Квестов, 2017, URL].

Как мы видим, травелог обнаруживает если не все, то существенные признаки метажанра, но вопрос, можно ли травелог однозначно назвать метажанром, остается открытым и требует дальнейших исследований.

Здесь хотелось бы вспомнить исследовательскую позицию Ю.Н. Тынянова, рассматривающего категорию жанра как научный факт динамичный и эволюционирующий. «Представить себе жанр статической системой невозможно», – считает ученый [Тынянов, 1977, 255]. Одни жанровые признаки переходят к другим, чему способствуют активные исторические изменения в литературном процессе.

Так и травелог (или та группа жанров, которую мы сегодня обозначаем этим термином) и по сей день активно развивается и видоизменяется, поскольку литературный процесс XX и XXI века в целом характеризуется многочисленными экспериментами по соединению жанровых форм и деконструкцией традиционных жанров.

С другой стороны, опираясь на работы М.М. Бахтина, мы должны видеть в жанре не только тягу к трансформации, но и не менее сильную тягу к устойчивости, «памяти жанра» [Бахтин, 1972, 178–179]. Принципами отбора тематики, материала и приемов художественного воплощения обладают именно жанровые формы. Жанр, как полагает исследователь, являет собой особый тип понимания действительности. Какие бы жанровые изменения не происходили с травелогом, некоторые составляющие его остаются обязательными, например, географический фон, т.е. пространство в травелогах географически локализовано.

А.А. Майга, рассуждая о специфике жанра травелога, приходит к выводу, что «продуктивнее опираться на характеристики травелога, чем пытаться определить его как литературный жанр» [Майга, 2014, 254]. Возможно, именно такой путь исследования для нашей работы окажется оптимальным.

§ 1.3. Основные жанровые характеристики травелога

Итак, при изучении травелогов мы будем опираться на ряд положений. Во-первых, жанр травелога с течением времени изменяется и трансформируется. Наша задача – учитывать особенности бытования травелогов как группы текстов. Во-вторых, для понимания жанровой специфики травелога необходимо рассмотреть его основные характеристики.

а). Художественное пространство и время в травелоге

Хронотоп имеет важное жанровое значение для травелога. Именно описание времени и пространства – его основной сюжетобразующий фактор.

Обычно композиционной основой травелога является путешествие, поэтому в текстах этого жанра предполагается наличие границ. Пространство травелога неоднородно и контрастно: между родным и чужим, внутренним и внешним.

Г.В. Шпак в статье «Травелог: поиск универсальной дефиниции. Четыре стратегии репрезентации пространства» [Шпак, 2016, 261–277] выделяет четыре позиции, занимаемые автором относительно пространства:

- Преодоление (метафора жизни).
- Освоение (метафора истории).
- Изучение (метафора истины).
- Сознание (метафора красоты).

Рассмотрим каждую из них подробнее.

Преодоление – самая распространенная модель описания пространства. Герой сталкивается с неизвестной, чуждой, иногда враждебной средой. Главной целью путешествия становится достижение конечной точки

маршрута. В случае Одиссея, например, – дома, в паломничествах – Святой земли. Стратегия преодоления встречается в ранних мифах, где герой для инициации преодолевает неведомое пространство. На пути его подстерегают опасности, что не исключает наличия добрых сил, помощника.

Освоение. Фиксация пройденного пространства с описательной стороны происходит уже в ранних хождениях, например, в «Хождении игумена Даниила», но до 17 века распространения практически не получает. Пространство в Средневековье воспринималось иначе, чем в Новое время. Много позже человек стал понимать себя и мир вокруг как творения, которые можно познать, в том числе с точки зрения веры.

Добавим, что травелог, нацеленный на освоение, должен приносить читателям практическую пользу. В нем часто присутствуют полезные советы, маршруты и интересные сведения, хотя для автора важна не только реальность, но и то, как она описывается.

Изучение. Стратегию изучения в некотором роде можно назвать экспедицией. Исследователь отправляется в конкретную местность, чтобы получить сведения о флоре, фауне, природе, истории, языке и т.д. Контекст травелога в этом случае – мир вещественный, материальный.

Такой формат описания увиденного с 1665 года требовал от путешественников журнал Королевского общества «Philosophical transactions». В травелогах того времени ученый писал в рамках конкретной научной области, когда пространственные травелоги уже не воспринимались как полноценный достоверный источник научного знания.

В России «учеными» считались путешествия, организованные Академией наук для исследования российских земель.

Сознание. В стратегии сознания автор включает себя в пространство как мыслящий и чувствующий субъект, его сознание как бы сливается с пространством, выражая его суть, преломленную в собственных ощущениях.

Путешествие Карла Морица 1782 г. проникнуто восторженными переживаниями и эмоциями: «Милый Ричмонд! Никогда, нет, никогда я не

забуду твоих сказочных холмов, гостеприимно принявших меня, одинокого странника!».

А. Бондарева обращает внимание на то, что маршрут в тексте травелога осуществляется не только в реальном пространстве, но и на уровне авторского сознания, представляя «метафизическое путешествие». Реальность находится в постоянном взаимодействии с потенциально бесконечным внутренним пространством рассказчика [Бондарева, 2012, URL].

Герой может не выходить за пределы своей деревни, но внутренне обращаться к нескольким пространственным полям: биографическому, историческому, культурному.

Ограниченное пространство также способно вмещать в себя бесконечные временные пласты, исторические и личные.

Характерный для травелога хронотоп – путь, дорога, по словам В.М. Русакова, «место-время совершения Путником важного действия, которое приводит к его преобразению» [Русаков, 2009, 131–139]. Опыт автора, запечатленный в травелоге, преобразует и читателя, пробуждая в нем желание повторить его путь или пройти свой собственный.

Наконец, путь – это и различные дороги, маршруты, и категория философская, которая отражает особенности индивидуального жизненного выбора путешественника.

б). Фигура Автора в травелоге

Характерной особенностью травелога является наличие фигуры рассказчика-путешественника, что обусловлено спецификой жанра. При этом, как отмечают исследователи Е.Г. Милюгина и М.В. Строганов, проблема личности путешественника до сих пор остается на периферии научного внимания, как и вербальное представление опыта персонального опыта путешествия. Причиной этого называют сложность классификации индивидуализированных инициативных путешествий. Наиболее очевидная типологизация по социокультурным функциям (дипломатические поездки,

научные экспедиции, частные поездки и пр.) влечет за собой обобщение, сведение в «воображаемый микросоциум тех путешественников, которые совершали индивидуальные поездки по близким маршрутам в одну историческую эпоху, но в реальности не встречались» [Милюгина, Строганов, 2013, 176].

Автором травелога сегодня может быть любой путешественник, так же многообразны и типы рассказчика, от *alter ego* писателя до так называемого недостоверного повествователя. Отличие романа от травелога заключается в следующем: в романе помимо точки зрения героя-путешественника возможна репрезентация точки зрения автора-повествователя, обладающего большим знанием. В травелоге рассказчик («я») описывает все исключительно со своей позиции.

В травелоге характер рассказчика, как правило, не претерпевает изменений и становления, а отражает ход его мыслей и переменчивость настроения. Рассказчик в травелоге – личность сложившаяся, хотя и нечуждая рефлексии. Мир в романе формирует своего героя-рассказчика, в травелоге описывается и проверяется им.

Изучая эволюцию стиля русских литературных путешествий от Карамзина до Гончарова, О.А. Дыдыкина говорит о травелоге как об «односубъектном повествовании, организующим центром которого является путешественник – одновременно и участник событий, то есть литературный герой, и писатель, облекающий дорожный материал в литературную форму» [Дадыкина, 1998, 251]. Фигуры автора-повествователя и путешественника трансформируются в одну дуалистическую сущность.

Еще одна спорная тема относительно фигуры автора-субъекта травелога – определение, в какой степени в тексте может быть выражен индивидуальный, личностный опыт путешественника. Большинство исследователей сходятся во мнении, что травелог обязательно предполагает описание через призму личностного восприятия. С другой стороны, возникает вопрос, можно ли отнести к жанру травелога произведения, где

рассказчик предстает перед читателями абсолютно беспристрастным наблюдателем, как, например, в справочной литературе.

Напомним, что справочник – произведение не художественное, а в рамках данной работы нас интересуют литературные травелоги, поэтому внимание справочникам мы не уделяем.

Так, некоторые филологи настаивают на том, что травелог – всегда личная история, диалог авторского «я» с местом, городом, своей или чужой историей или культурой, прошлым и настоящим, и ни в коем случае не сводится к путеводителю или туристическому описанию.

Другие говорят о том, что автор травелога может «выступать в роли художника, в роли ученого, исследователя, делового человека, специалиста в сфере рекламы или связей с общественностью, в роли сказочника, волшебника, клоуна-рассказчика, ди-джея, балагура или мудрого родителя, но может и не выделяться в самостоятельную фигуру, иметь имперсональный характер, оставаясь в качестве «объективной инстанции» [Полонский, 2015, 207–215].

Е.Г. Милюгина, отмечает, что степень выраженности личностного опыта рассказчика зависит от многих факторов: меры заинтересованности читателя обретенным путешественником опыта, частного или публичного характера текста и его адресата [Милюгина, 2013, 176].

В любом случае, авторы травелогов используют различные нарративные стратегии, исходя из собственной точки зрения на действительность.

Добавим, что структура повествования, его субъектная организация во многом зависит от цели высказывания: для кого написан травелог, на какого читателя ориентирован.

в). Травелог: цель высказывания

М.М. Бахтин справедливо отмечал, что в каждом высказывании, будь то бытовая реплика или сложное произведение литературы, «мы охватываем, понимаем, ощущаем речевой замысел или речевую волю говорящего,

определяющую целое высказывания, его объем и его границы» [Бахтин, 1996, 159].

Характеризуя жанр травелога с точки зрения коммуникативной цели, выделяют, во-первых, дидактическую (просветительскую) цель, которая сообщает читателю достоверную информацию о мире, во-вторых, эмоциональную, когда на первый план выходят мысли, чувства, переживания повествователя и центром внимания становится его внутренний мир.

Дидактическое назначение травелога берет начало в античности и средневековье. Путешествие тогда не рассматривалось как праздное, легкомысленное времяпровождение. Путешественники осваивали новые территории и торговые пути, расширяли границы своего мира и активно занимались просвещением читателя.

В то же время автор травелога описывает путешествие, исходя из личных впечатлений о том, что он увидел и услышал, и его переживания всегда уникальны, так как зависят от жизненного опыта, мировоззрения и культуры.

Сочинение А.Никитина «Хождение за три моря», например, посвящена не только Индии, ее обычаям, традициям и политической структуре. Произведение содержит множество лирических отступлений и автобиографических вставок.

Иными словами, травелог помогает познавать мир вокруг, но и иногда в большей степени становится познанием самого себя.

Современные травелоги все чаще обнаруживают еще одну коммуникативную цель – развлекательную. Массовый читатель имеет доступ в Интернет и владеет другими информационно-технологическими возможностями, поэтому и травелог обретает новый формат, представляясь жанром довольно простым и демократичным, а динамичность его жанрово-стилевых границ дает свободу письма и сюжета.

Читатели заинтересованы в искренности сюжетов и в близкой к разговорности стилистике, тем более, что травелоги (или, по словам О.

Балла, «субъективные путеводители») распространяются в массовой культуре и литературе Интернета.

Однако, несмотря на то, что травелоги прочно входят в повседневную культуру развлечения, они не перестают быть просвещающими и обучающими, что свидетельствует о многоаспектности этого жанра.

г). Дискурс травелога

Дискурс – понятие сложное, многослойное, оно выходит за рамки привычных категорий и может касаться самых разных сторон жизни, социальных явлений и литературы, в том числе и травелогов.

Термин «дискурс» смежен по смыслу с понятием «текст», причем точного универсального толкования последнего тоже нет. Между тем исследователям понадобилось вводить в употребление термин «дискурс», соответственно, понятие «текст» оказывается недостаточным для исследований.

В работе «Методы лингвистического анализа» В. П. Даниленко определяет два значения дискурса. «В первом значении дискурс равен тексту, во втором – дискурс объединяет текст с контекстом. В контекст включается ситуация, в которой, с одной стороны, получатель текста понимает получаемый им текст, а с другой стороны, ситуация, в которой находится говорящий, когда он создает свой текст. Существует, таким образом, контекст получателя текста и контекст отправителя текста» [Даниленко, 2011, 280] – то, как мы говорим о вещах и какие признаки при этом выделяем, всегда вызывает определенные ощущения у других людей. Так мы оказываем влияние на восприятие и понимание мира окружающими, создаем дискурс.

Н. Д. Арутюнова понимает дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, психологическими и другими факторами», как «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова, 1990, 136–137].

Обращение к понятию дискурса нам кажется важным при определении параметров литературного травелога, т.к. этот жанр находится между документальной и фикциональной литературой, нон-фикшн и беллетристикой.

Дискурс травелога имеет свои особенности. Смысловое поле, в которое погружен травелог, неоднородно. В нем формируются смыслы, связанные с научным знанием, но при этом вызывающие к чувствам, духовным потребностям людей. В дискурсе травелога часто задействованы разные знаковые системы. Травелог, особенно современный, не представляет собой лишь текстовое сообщение, он сопровождается дополнительными изобразительными, графическими и аудиовизуальными элементами, которые также являются частью его дискурса.

Назовем основные аспекты дискурса травелога: семиотический, кратологический, праксеологический и аксиологический.

В семиотическом плане дискурс травелога подразумевает целый спектр повествований о путешествиях, реальных и вымышленных. Знаково-символическая форма травелогов многообразна: летописи, знаки, дневники, и т.д. В ряде случаев эта форма нормируется.

Набор антропологических практик подразумевается праксеологическим аспектом дискурса травелога. Практики осваиваются Путником и преобразуют его. Праксеологический аспект хорошо просматривается в организационно-методической стороне совершения различных путешествий – бегство, странничество, экспедиция, нашествие, поиски приключений, разведка, бегство от скуки и т. п.

В кратологическом аспекте выражается властно-распорядительный ресурс травелога. Дело в том, что травелог подразумевает ту или иную антропологическую задачу. Например, в религиозном, научном, личном, паломническом странствии задачи различны. Порой для авторов травелогов существует ряд правил о том, как им надлежит повествовать и представлять свое путешествие.

Записки путешественников обладают большой ценностью с точки зрения воспитательного эффекта, и некоторые из них входят в золотой фонд литературы, что позволяет говорить об аксиологическом аспекте травелога. Под влиянием травелогов сформировался не один характер. Отражаемый в травелогe жизненный опыт, знания о самых разных уголках земли, поиск себя, безусловно, оказывает воздействие на читателя.

Травелог – жанр, уходящий корнями в историю и веками оперирующий понятиями, за которыми угадываются архетипические категории: Путь, Путник, Приключение, Гость, Странствие и т.д.

Архетипы маркируют определенные смысловые области, оставаясь размытыми в своих границах, что подразумевает многообразие их взаимодействий и воплощений.

Путь – часть географического пространства, путь пролегает в мире физическом, но предполагает и движение в иных смыслах (поиск решения, духовный путь); путник может быть паломником, беглецом, первооткрывателем: странствие – метание в пространстве, времени и мыслях.

Екатеринбургский исследователь В.М. Русаков называет образы Пути и Путника основными в травелогe и классифицирует Путь по целевому назначению для путешественника: «как средство формирования героя, способ проверки-испытания (обретение опыта), исполнения клятвы (завета), наказания (проклятия) и, наконец, получение удовольствия от игры случая-выбора (игрок)» [Русаков, 2009, 131–139].

Если мы понимаем дискурс как текст, погруженный в смысловое поле, то и «детский» травелог рассматриваем не сам по себе, а во взаимосвязи со всеми его элементами, в том числе выходящими за рамки текста.

Резюмируя вышесказанное, выделим основные признаки и элементы травелога:

- **Композиционная основа травелога – путешествие.** Читатель вслед за автором перемещается в пространстве, при этом путешествие может быть очерчено как реальным маршрутом, так и «метафизическим». В травелогe

может быть представлен, допустим, город в своих исторических воплощениях; даже ограниченное пространство способно вмещать в себя различные пласты, от личных до общекультурных.

- Степень выраженности **авторского присутствия в травелоге** зависит от многих фактов, связанных в основном с читательским восприятием: насколько важен для читателя индивидуальный опыт путешественника, его повествование с оглядкой на личностный опыт. Также автор зачастую выступает в различных ролях: исследователя, ученого, наставника, вымышленного персонажа.

- Среди **целей травелога** обозначим основные: **дидактическая, эстетическая, развлекательная**. Современный травелог сообщает достоверную информацию, исторические и культурные факты, позволяя при этом получить удовольствие от чтения. Подобная демократичность травелогов становится привлекательной для авторов, пишущих для детей.

- **Географический фон** – обязательная составляющая для литературы путешествий. Пространство в травелогах локализовано и конкретизировано: город, край, страна, район, континент (в отличие, например, от сказки, где действие разворачивается в тридевятом царстве – другом мире).

- **Национальный или «чужой» нарратив**. Травелог предлагает представление либо о чужом месте, либо о родном крае, в том и другом случае описывая бытовые особенности и культурные привычки. Например, в случае травелогов об Урале – это еще и специфические слова, топонимы и др.

Сравнения свой/чужой практически неизбежно и зачастую ведет к социальным и политическим выводам. В травелогах для детей они также реализуются, например, О. Колпакова в книге «Потешные прогулки по Уралу» чужие стереотипы о нашем крае шутливо обыгрывает.

Заметим, что вышеперечисленные особенности характерны как для взрослых, так и для детских травелогов, но травелог для детей, как и в любом другом жанре, имеет свою специфику.

§ 1.4. Травелог в детской литературе

Точная дата появления детской литературы в России неизвестна, но уже в XV – XVI вв. религиозные и духовно-нравственные произведения выступали как средство воспитания и обучения для детей того времени. Однако писать специально для детей стали несколько позднее, в XVII веке.

Детям и подросткам свойственно стремление к познанию нового, поэтому травелогам не составляет труда перейти в детскую литературу. На полках книжных магазинов найдется множество книг, которые так или иначе можно отнести к литературе путешествий.

Интернет также предлагает разнообразие тематических подборок. Детское издательство «Манн, Иванов и Фербер» публикует список «10 детских книг для путешествий»: «Они (книги) не только расскажут о природе и путешествиях и помогут скоротать время, но и по-настоящему увлекут ребят» [МЕЛ, 2017, URL]. Журнал для родителей «Я happy мама» предлагает подборку «10 книг о путешествиях, которые помогут ребенку познать мир»: «С помощью этих книг вы сможете привить ребенку любовь к путешествиям, открытиям, познанию нового. Ребенок научится быть наблюдательным, замечать даже самые неприметные вещи, поскольку все может быть важным в нашем мире. Все имеет свое предназначение». [Я happy мама, 2017, URL]. Или подборка «По следам детей-путешественников: лучшие книги о путешествиях и приключениях»: «Не торопитесь отвечать, что тяготы и опасности дальних странствий детям не по плечу. Вместо этого предложите ребенку почитать об удивительных приключениях их сверстников. В нашем списке вы найдете лучшие книги о путешествиях, в которых главная роль отведена детям» [КидПассаж, 2016, URL].

Вместе с тем внимание исследователей традиционно обращено к «взрослому» травелогу, хотя и в этом случае отмечается «отсутствие целостного осмысления этой части словесности» [Алексеев, 2014, 34–46]. В отечественной филологии такое уникальное явление, как детский травелог,

рассматривается крайне редко. В большинстве своем произведения, которые могут быть отнесены к данному жанру, не изучаются в контексте травелогов, однако в последнее десятилетия ситуация меняется.

Так, Ф. В. Кушвинов в своих статьях уделяет внимание детским травелогам 1920-1930-х гг., учитывая специфику литературы для детей советского времени – стремление писателей сформировать единство духовной и социальной жизни ребенка. Политическая ситуация требовала от детской литературы в первую очередь формирования «нового человека» с определенным кругом интересов.

Исследователь указывает на такие черты детской литературы путешествий, как условность, шаблонность, следование идеологическим установкам, малую информативность текста, отсутствие реального знания о зарубежье у авторов. Подобные травелоги были лишены аналитических элементов и в то же время становились удобным плацдармом для решения различных идеологических задач.

В статье «К вопросу о жанровом своеобразии детского африканского квазитравелога 1920-1930-х гг.» [Журнал ФИЛОЛОГОС, 2016, URL] Ф.В. Кушвинов говорит о т.н. «квазитравелог», сохраняющем перемещение нарратора, описание увиденного и особую манеру повествования, но при этом обладающем рядом свойств, которые в совокупности определяют его специфичность: отсутствие реального опыта путешествия, негативное или ироничное изображение «чужого» мира, сознательная установка на снижение читательского интереса (в данном случае, к Африке).

Можно привести пример специфического травелога, изданного во времена Советского Союза и направленный на изучение родного города. В сборнике стихотворений Е. Хоринской «Наш город» октябрята идут по Свердловску и погружаются в его историческое прошлое – спрашивают, кто такой Вайнер, Малышев, Толмачев, останавливаются около Вечного Огня и у Каменных палаток. «Тишина. / Знакомые улицы. / В память героев / Хранят они их имена» [Хоринская, 1972, 11]. Что характерно, и в сборнике

стихотворений даны небольшие исторические справки-окошки. Так, перед стихотворением «У Каменных Палаток» дается объяснение, где расположено это место и чем оно известно.

Наряду с советскими героями и реалиями не теряется и традиционно сложившийся образ Урала, холодного, но богатого природной красотой; «далекий край суров и лют, / И по ночам буранов пенье... » [Хоринская, 1972, 7].

Постсоветская детская литература во многом переосмыслила традиции русской и советской литературы, что нашло свое выражение в появлении новых форм и жанров, обусловленных различными факторами.

История становления и развития детской литературы в России в принципе представляет большой интерес для литературоведов ввиду богатства и разнообразия материалов для исследования. Характерные особенности современной детской литературы – жанровое разнообразие, ориентированность на издательский процесс, подражание западным образцам и наличие обратной связи с читателями.

Современная детская литература включает разнородные явления и факты новейшей литературы и характеризуется целым рядом объективных особенностей. За последние пятнадцать лет произошло существенное движение, связанное с корректировкой круга детского чтения. Современная детская литература обладает определенными достоинствами и достижениями, но имеет ряд существенных проблем.

Травелогги, как часть детского литературного процесса, играют важную воспитательную роль, расширяют кругозор ребенка, учат обдумывать и осмысливать окружающую действительность, и сегодня задача исследователей – актуализировать знания о состоянии детской литературной географии.

Травелог для детей подсказывают пути решения для еще одной актуальной проблемы подрастающего поколения, а именно – подлинности исторической памяти. Тема массового исторического сознания выходит за

рамки литературоведческой и связана со спорными аспектами культурологии и социальной психологии. Каждый день мы впитываем огромное количество информации, но не всегда находимся на достаточном уровне ее понимания. Для детей травелог может стать хорошим помощником для осознания реальности, нахождения себя и своих корней в постоянно меняющемся мире.

Грамотно написанному травелогу по силам внести вклад в формирование у ребенка национальной и региональной памяти. Данное обстоятельство особенно актуально, если учесть любовь современного юного читателя к фэнтези, провоцирующим превратить вымыслы и мифы в источник представлений о прошлом. «Социальные потрясения последних десятилетий привели к ослаблению межпоколенных связей, разрыву культурной традиции. Для современного подростка существует не ось времени, а ее конкретный отрезок», – считают В.Аскарлова и Н. Сафонова [Аскарлова, Сафонова, URL].

Необходимо учитывать, что сегодня школьники довольно свободны от идеологических штампов, но также слабо связаны с культурными ассоциациями и кодами. И этот разрыв в культурной памяти поколений травелог может помочь преодолеть.

ГЛАВА 2. ТРАВЕЛОГ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ УРАЛА

Цель главы – выявить специфику содержания и особенности функционирования детских травелогов Урала в современном литературном процессе.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить ряд **задач**:

- 1) рассмотреть характерные особенности травелога в ряде уральских детских изданий, опубликованных не позднее 2000 года;
- 2) проанализировать, насколько в представленных травелогах реализуются устойчивые признаки жанра;
- 3) проанализировать специфику художественного оформления представленной группы травелогов;
- 4) выявить пространственную семантику Урала в современных травелогах для детей;
- 5) рассмотреть особенности представленных травелогов, характерные для современной детской литературы в целом.

Ю. М. Лотман в свое время высказал точную мысль о разделении читательской аудитории. Первая, «взрослая», относится к художественному тексту как получатель информации, спокойно и вдумчиво читает, слушает и смотрит. «Детская» – больше «архаичная», «фольклорная», она «кричит, трогает, вмещивается, картину не смотрит, а вертит, тыкает в нее пальцами, говорит за нарисованных людей» [Лотман, 1992, 377–378]. Разница в том, что в первом случае речь идет о получении информации, во втором – о выработке ее в процессе игры. Возможно, это свойственно больше для маленьких читателей, но и у подростка отношения с литературным произведением также основаны на эмоциях и непосредственности, что тоже необходимо учитывать при анализе современных травелогов.

Любое литературное произведение – это совокупность неразрывно связанных между собой элементов. Условно разделим их на два: те, что касаются **содержания**, и связанные **со структурой и оформлением**.

Содержательные элементы мы рассмотрим в рамках понятия образ мира (образ Урала) и проследим, какие из них автор выбирает для изображения и по какому принципу соединяет.

В умах современников образ Урала сложился довольно определенный. Сразу вспоминаются сказы Бажова, Хозяйка Медной горы, глубинные недра, которые полны самоцветов в «торжественном сумраке гор» [Татьяничева, 1967, URL]; Урал времен Великой Отечественной войны – суровый край заводов и тяжелой промышленности; мистический Таганай, каменный пояс России, путь каторжан в Сибирь, и, наконец, граница между Европой и Азией.

История и география Урала уникальна и многолика. При таком богатстве и разнообразии материала перед писателями неизменно встанет вопрос, как будет выстроен образ мира в травелогах, каким Урал предстанет перед юными читателями.

Отметим, что понятие образ мира, несмотря на широкое употребление, имеет несколько значений, в которое исследователи вкладывают различные смыслы, в литературоведении зачастую метафоричные.

В понимании М.М. Бахтина, «мир художественного видения есть мир организованный, упорядоченный и завершённый помимо заданности и смысла вокруг данного человека как его ценностное окружение» [Бахтин, 1979, 424].

С формами пространственного конструирования мира в сознании человека связывает понятие образ мира Ю.М. Лотман. По его мнению, пространственные представления автора тесно связаны с его миропониманием, т.е. укладываются в некую схему мира и выражены посредством текста [Лотман, 1988, 251 – 293].

По мнению Д.С. Лихачева, предметы, время и пространство, действующих лиц и принципы их объединения включает в структуру внутреннего мира литературного произведения [Лихачев, 1968, 74-87].

В детской литературе особенно важен не только текст, но и **оформление и структура издания**. Споры по поводу тех же иллюстраций во «взрослых» книгах почти не коснулись «детских», необходимость изображений в которых ни у кого не вызывает сомнений. Сложно представить травелог без наглядного иллюстративного материала: фотографий, карт, рисунков.

В следующем разделе мы подробно рассмотрим некоторые уральские книги-травелоги, написанные для детей и выпущенные после 2000 года, обозначим их содержательные и структурные элементы, то, как они взаимодействуют между собой и образуют единое художественное целое.

§ 2.1. Характерные особенности современных детских травелогов на примере конкретных изданий

«Потешные прогулки по Уралу» С. Лавровой (в аннотации сразу обещают читателю путешествие по загадочным, «сказочным» местам Урала: «В каждой стране, каждом городе, каждом районе есть множество интересных, необычных и даже загадочных мест. А на сказочном Урале их особенно много. И почти каждое из них окружено разными мифами, легендами, забавными небылицами. Поди разберись, что тут правда, а что – народный вымысел!» [Лаврова, 2011, 40].

Действительно, структурно травелог построен очень любопытно, в форме вопросов-ответов. Почему Урал называют Уралом? Правда ли, что на Урале в одном из городов есть пещера из льда? Есть ли под Екатеринбургом сокровища? Непонятные названия для уральских мест придумывались специально, чтобы шпионы не догадались?

На каждый вопрос приводится емкий и остроумный ответ, небольшой по объему, но содержащий много любопытных сведений.

Если проследить, чему именно уделяется внимание, то это географические и климатические особенности (Кунгурская пещера, города Чердынь и Екатеринбург, Пермь и Соликамск, река Чусовая) и объекты

духовного и культурного наследия (Шигирский идол, статуя Николы Можайского). Автор также часто раскрывает этимологию уральских названий: «Сколько на Урале народов живёт – столько и гипотез о том, почему это место так называется. Вот манси тут обитают – и учёные говорят, что название произошло от мансийского «ур ала» – вершина горы. Правда, сами манси никогда так Урал не именуют, они говорят Нёр, то есть камень. От языка тюркских народов – татар и башкир – можно взять слово «уралу» – опоясывать. Дескать, уральские горы опоясали Землю. Ещё вспомнили эвенское слово «урэ» – гора, и даже монгольское «уулын хурал» – собрание гор» [Лаврова, 2011, 4].

Современный Урал в «Потешных прогулках» читатель не увидит – травелог обращается к истории края, приводит исторические факты, а также легенды, мифы и интересные факты.

Фотографии и достоверные изображения заменяют забавные рисунки, все они сопровождаются шутивными подписями, например, как обескураженный Ньютон смотрит на текущую в гору (а не с горы!) речку. Иллюстративный материал играет в травелогe роль, скорее, вспомогательную. Рисунки и подписи к ним веселят читателя, но не перетягивают на себя внимание и не доносят фактическую информацию (рис. 1).

Рис. 1. Иллюстрация к травелогу С. Лавровой

В какой-то мере «Потешные прогулки» развенчивают и некоторые устоявшиеся мифы об Урале – будто бы история края началась лишь с Петра Первого или что Урал всегда был глухой провинцией. Манера рассказчика, отвечающего на вопросы, неуловимо напоминает сказы Бажова и воспроизводит ситуацию бытового разговора.

В травелоге мы встречаем упоминания представителей зарубежных культур: Ньютон, Александр Македонский, Джек Лондон, Марко Поло («Говорят, что когда на Урале нашли золото, то золотая лихорадка была покруче американской, про которую Джек Лондон писал» [Лаврова, 2011, 13]). Присутствует и чужой национальный нарратив, Уральские горы сравниваются с Гималаями, добыча золота – с вымыванием драгоценного металла в уже американской Аляске, ткани из асбеста, которые поражали еще жрецов Древней Индии.

С другой стороны, собственный национальный нарратив не ограничивается Уралом: здесь и Петр Первый, и новгородский летописец Гюрята Рогович, и даже Баба Яга с Лихом Одногазым.

Все представленные отсылки и персоналии вписывают Урал в историю и культуру России, представляют край как кладезь национального наследия всей страны. Россией автор не ограничивается, Урал здесь не затерянная глухая местность, «глубинка» огромного государства, а полноправный участник мировой культуры. Об этом говорится читателю прямо: «Нет, Урал – не задворки, а перекрёсток цивилизаций...» [Лаврова, 2011, 6].

Художественное пространство травелога не ограничивается Уралом, хотя на нем и сконцентрировано внимание. Но как быть с маршрутом, с категорией путешествия? Возможно, ответ кроется в самом названии травелога. Читатель будто на веселой прогулке выхватывает самое интересное, яркое, неоднозначное и забавное, переносится мыслями от

Чердыни к Екатеринбург, от оружейника Никиты Демидова к Шигирскому идолу.

Сквозного сюжета, как и персонажа, в травелоге нет. Автор примеряет на себя роль рассказчика-балагура: «А еще одна гора называется Элюмпуттаимсовт, в переводе с мансийского – “сопка, на которой съели котёл клея”. Кто съел, когда съел и понравилось ли ему это нетипичное кушанье – никто не знает» [Лаврова, 2011, 17].

Урал в «Потешных прогулках» С. Лавровой – это край загадок и чудес, с богатым историческим прошлым. Юного читателя, несомненно, в травелоге привлекут полушутливые вопросы и емкие, интересные и неочевидные ответы на них, забавные изображения, небольшой объем статей.

Не забывает травелог и о своей просветительской задаче, включая множество фактов и исторических справок, будь то список государств, в которые входили Уральские земли в разные времена (Вятская республика, Великая Булгария, Ногайская Орда и др.), или точный вес самого крупного изумруда, найденного на Урале в 1834 году (2 кг. 226 г.).

Жил-был Седой Урал. Сборник топонимических легенд.

Главный редактор издательства «Азимут» С. Логинова собрала в одном сборнике интереснейшие легенды об Урале, «самом таинственном уголке России» [Жил-был седой Урал, 2013, 1]. Часть историй, как утверждают составители, публикуется впервые – это мансийские, татарские и башкирские предания, а также легенды, чье авторство не установлено. Каменные медведи озера Зюраткуль, Таганай, Шульган, Аликаев Камень – знакомые места возвращают свою историю. Дополняют книгу фотографии, выдержки из топонимического словаря, полезные ссылки и GPS-координаты.

Возникает закономерный вопрос, можно ли отнести издание «Жил-был Седой Урал» к травелогам. На наш взгляд, можно, по крайней мере, по трем составляющим: маршруту, справочному и иллюстративному материалу.

Маршрут травелога, пусть неочевидный, четко прослеживается: от Южного Урала, через Средний к Северному, а затем к Полярному и Приполярному.

Предания дополнены небольшими вставками с историческими и географическими фактами: «Иремель и Агидель – гора и река. Иремель является одной из самых красивых и высоких гор Южного Урала, он расположен между хребтами Аваляк и Бакты (Белорецкий район Башкортостана). Имеет две вершины: Большой Иремель (1582 м) и Малый Иремель (1449 м). < > Иремель – принято переводить название горы как "священная", но и по-башкирски, и по-татарски "священный, святой" – изге, не подходят и "заколдованная, заговоренная" – ырымлы» [Жил-был седой Урал, 2013, 19].

Иллюстрации – замечательные красочные фотографии, которые заполняют треть книги и порой полностью занимают целые страницы и развороты. Использовать фотоизображения вместо рисунков представляется удачным решением. Казалось бы, ту же Агидель можно изобразить в виде девушки, но это бы слишком уводило внимание читателя в мифологическую сторону. Фотографии же напоминают, что действие происходит на родной земле, и речь идет о знакомых местах, а не о сказочном тридевятом царстве (рис. 2)

Рис. 2. Разворот издания-травелога «Жил-был седой Урал»

Предмет изображения в травелогe четко обозначен в самом подзаголовке: это географические природные локации, реки, озера, горы, холмы в своем мифологическом воплощении: «Годы прошли, века минули. Порос окаменевший великан буйным ельником, сосновым раздольем, кедровым весельем, лиственничной красой. И никому не придет теперь в голову, что горы когда-то живым Змеем-полозом были. Люди осели на склонах гор. Каменным Поясом назвали полоза. Опясал все-таки он как-никак нашу землю, хоть и не всю. А потому ему форменное имя дали, звонкое – Урал» [Жил-был седой Урал, 2013, 15].

Уральские топонимы все, живущие здесь, знают, но при этом редко кто понимает, что значат эти загадочные названия: Карабаш, Зюраткуль, Таганай и другие. На страницах книги можно пережить своеобразную встречу со «знакомыми незнакомцами».

В травелогe смешиваются славянские и тюркские слова и образы: молодой джигит, аксакалы-мудрецы, пиала, огненная зарница, змей-полоз, самоцветы и версты. Речь, как и положено в сказаниях-преданиях, очень плавная и размеренная, звучит, как песня: «Огненная кровь в нем – нефтью стала, мясо – рудами, ребра – камнями, позвонки, хребты стали склонами, чешуя – самоцветами. А все остальное превратилось всем, что есть в земной глубине – от солей до алмазов» [Жил-был седой Урал, 2013, 15]. Впрочем, местами лексика намеренно стремится к разговорной, сказовой манере: разная чепушина, житышко, не видно ни зги. Авторы примеряют на себя роль скромного рассказчика: «Нет – мое дело сторона. За что купил, за то и продаю. Слушайте» [Жил-был седой Урал, 2013, 1].

Реалиям настоящего времени место нашлось лишь в предисловии. Составитель сборника С. Логинова сетует на то, что из жизни современного человека почти исчезли чудеса, потерялись за телевизором, потоком машин и тысячами суесящихся людей. И только покинув город, мы вспоминаем, где живем, а между тем на Урале «каждый камень готов рассказать внимательному слушателю свою историю».

В то же время нельзя сказать, что в травелоге речь идет об Урале древнем. Вовсе нет, скорее правильнее будет сказать, что край изображен вне времени в принципе. Столетия назад или сегодня – величавый Урал предстанет перед вами во всей своей гордой красе. «На обложке мы написали “Жил-был Седой Урал”, в уме держим другое: Урал жил, Урал жив, Урал будет жить» [Жил-был седой Урал, 2013, 15], – поясняет свою позицию автор сборника.

«С Бажовым по Уралу» А.П. Черноскутова.

В 2012 году екатеринбургское издательство «Сократ» выпустило книгу-путеводитель «С Бажовым по Уралу». Книга включает в себя четырнадцать маршрутов по мотивам сказов Бажова, путь пролегает от «столицы царства-государства» Екатеринбурга, через знаковые для творчества писателя места: во владения Хозяйки Медной горы, в Сысерть, синие колодцы Азов-горы и Шайтан-камень.

Данный травелог интересен тем, что разворачивается в равной степени вокруг географических локаций и вокруг персоны знаменитого писателя, который посвятил свое творчество Уралу. При этом автор маршрутов не выхватывает взглядом отдельные достопримечательности и знаковые места, а планомерно и последовательно ведет за собой читателя: «Час автобусом – и мы в поселке Кладовка. Его жители уверены, что его название тоже связано с земными кладовыми хризолитов и золота. <...> В Кладовке удобно остановиться на небольшом Посакаушкинском пруду» [Черноскутов, 2012, 36].

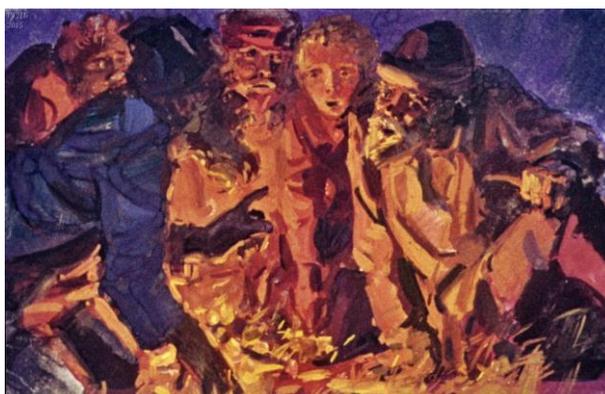
Автор связывает маршрут непосредственно с личностью П.П. Бажова, однако не забывает продемонстрировать и обстановку современного города «Внизу, у подножия Вознесенской горки, на месте особняка инженера Ипатьева, в котором была расстреляна царская семья, в 2003 году был завешен и освящен грандиозный Храм во имя Всех Святых в Земле Российской просиявших» [Черноскутов, 2012, 4].

Реки, горы и озера также тесно связаны и с героями сказов писателя: «А вот и он, заросший мелкоколесьем заброшенный прииск. Где-то здесь Огневушка-Поскакушка старателей за золотом водила» [Черноскутов, 2012, 37].

В травелоге-путеводителе А.П. Черноскутова слились воедино несколько культурно-исторических пластов. Во-первых, современный Урал с новыми зданиями, заводами и туристическими достопримечательностями. Во-вторых, Урал времен писателя Бажова: «В годы учебы в духовном училище Бажов некоторое время жил в доме Садина – в полутора кварталах от училища. Этот дом не сохранился... » [Черноскутов, 2012, 9]. И наконец, мы видим Урал из самих сказов, где драгоценные камни можно отыскать по следу из-под серебряного копытца, или попробовать разглядеть, где таится загадочный золотоцветень горы.

Иллюстративная часть травелога включает в себя:

- актуальные карты с обозначением объектов осмотра, например, для Екатеринбурга это Филармония, Музей Писателей Урала, Главпочтамт, Духовное училище, которое окончил П.П. Бажов, и женское епархиальное училище, в котором он преподавал;
- современные фотографии городов, поселков, гор и рек: Геологическая аллея Екатеринбурга, Дом-музей П.П. Бажова, речка Поскакушка и др.
- иллюстрации к произведениям Бажова, например, картина Р. Месина к сказу «Огневушка-Поскакушка» (рис. 3);

- другие иллюстрации, подходящие по контексту к определенному моменту маршрута: фотография П.П. Бажова за рабочим столом, изображение Каслинского чугунного павильона, броши с демантоидами и др.

От традиционных путеводителей «С Бажовым по Уралу» отличает акцент на изучение родного края и, одновременно, на более близкое знакомство с уже известным с детства писателем. Книга издана для читателя-жителя, что подтверждают слова «наш город» или «туристы частенько проходят мимо».

Последние страницы книги пусты и носят подзаголовок «для заметок». Это значит – история родных мест, история сказов Бажова не закончена. Автор предлагает читателю самому отправиться в путешествие, пройти по привычным, или может быть, пока неизвестным уральским тропам, по следам героев сказов П.П. Бажова.

Другое похожее издание «Сократа» – **«Зеленые горы, пестрый народ. В поисках связующих нитей»**, травелог по следам путешествий Д.Н. Мамина-Сибиряка, увидело свет в 2008 году. В предисловии авторы-составители А. Черноскутов и Ю. Шинкаренко приглашают ребят в литературное путешествие. Путешествие необычное, задуманное «втройне».

Прежде всего, травелог приглашает погрузиться в мир, созданный Д.Н. Маминым-Сибиряком, произведения которого этнографически и географически привязаны к Уралу. В травелогe приведены и тексты повестей, отрывки из романов писателя: «Самоцветы», «Золотуха», «Зверство», «Зимовье на Студеной», «Приваловские миллионы». Из всего впечатляющего творческого наследия Д.Н. Мамина-Сибиряка выбраны произведения, которые ярче и глубже всего отражают природу Урала и характер его жителей.

Путевые заметки, очерки современных авторов – второй маршрут травелога. Литераторы-путешественники, участвуя в экспедициях по местам маминских героев, пытаются понять, что же сегодня «скрепляет Урал, Россию, что сейчас объединяет пестрых людей – в народы, народы – в нации, нации – в единую цивилизацию». Здесь нам отчетливо доступен субъективный взгляд авторов, мы можем узнать их мысли, настроение, прочувствовать эмоции: «Какой он все-таки вкусный здесь, снег, с запахом, напоминающий запах студеной ключевой воды», «И вдруг нам показалось, что мы знаем, куда пойдет сработанный здесь камень и кирпич. Конечно, на сооружение мельниц, которые несокрушимыми памятниками уральской основательности разбросаны по берегам Исети» [Зеленые горы..., 2008, 51].

Третий маршрут, по уверению авторов-составителей – будущие странствия. Травелог предлагает только описания маршрутов. Что почерпнет для себя читатель, решится ли отправиться в путь, покажет только время. Как известно, любое путешествие (в том числе по страницам книги) – наполняет личность новыми чувствами и мыслями.

Структурно травелог состоит из нескольких частей – «путешествий», так и озаглавленных: «Путешествие первое. В Висим, на родину Д.Н. Мамина Сибиряка», «Путешествие девятое. По самоцветной Нейве-реке». В каждом путешествии обязательно присутствуют следующие элементы:

- Произведение Д.Н. Мамина-Сибиряка (очерк, рассказ или отрывок из романа);
- Описание пути по географическим локациям, которые напрямую связаны или прочитываются в приведенном произведении.
- Современный очерк, посвященный тем же географическим местам и историческим памятникам, а также затрагивающий проблемы, которые волновали маминских героев и продолжают волновать людей до сих пор.

Художественное оформление травелога по красочности и многообразию не уступает изданию «С Бажовым по Уралу». Здесь и фотографии, цветные и черно-белые, и карты, и рисунки, и узоры (рис. 4).

Рис. 4. Разворот издания-травелога «Зеленые горы, пестрый народ. В поисках связующих нитей»

Очень удобно для детского и взрослого восприятия подобран шрифт: тексты современных очерков и тексты Д.Н. Мамина-Сибиряка визуально заметно отличаются, а подписи к иллюстрациями выделены курсивом.

Бережно относясь ко всему культурному наследию писателя, на последних страницах составители приводят экскурсию по маминским местам в Санкт-Петербурге.

Травелог «Сокровища Рифейских гор» Е. Ленковской частично похож на «Потешные прогулки по Уралу». Первое, на что читатель обращает внимание – книга невероятно красочная, пестрая, с множеством рисунков и фотографий. Большое количество изображений не случайно, потому что в этом травелоге речь идет о традиционных уральских художественных промыслах, от наскальных рисунков древних охотников до нижнетагильских расписных подносов. В Сети можно найти полный текст травелога, но без изображений и наглядных иллюстраций читатель, надо признать, лишается доли удовольствия от чтения.

На страницах травелога автор признается, что природу Урала любит сильнее, чем шумные загазованные города: «Люблю реки со скальными выходами на высоких обрывистых берегах, солнечные смолистые сосны, запах хвои, замшелые гранитные валуны и озёра с кувшинками, люблю

удивительный, манящий, сиренево-голубой уральский простор» [Ленковская, 2014, 20].

Не только дивной природой славится Урал, красота заключается и в творении рук человеческих. Не ограничиваясь краткими историческими справками, автор обращается к читателю напрямую, позволяя представить, и почти осязаемо почувствовать то, что описывает.

Вот как Е. Ленковская начинает разговор о чудском образке Альви: «Представь себе – ты держишь в руках увесистую бронзовую штучковину. Возможно, она изрядно потемнела, пролежав в земле несколько веков, потеряла свой первоначальный блеск, она изъедена временем, у неё шершавые, иззубренные края <...> Во взгляде его выпуклых миндалевидных глаз нет ни удивления, ни угрозы, ни беспокойства. Вообще непонятно, смотрит ли он в упор, или же его неподвижный, бесстрастный взор – то ли идола, то ли младенца – устремлён сквозь тебя. В пространство. Или – в вечность» [Ленковская, 2014, 58].

Появляется в «Сокровищах Рифейских гор» и образ автора. В виде небольшого комикса в самом начале книги схематично нарисованная писательница Е. Ленковская представляет читателям себя, своего сына Данилу и девушку-змеяку, Хозяйку Медной горы. Вместе они отправляются в путешествие по пространству книги, комментируют фотографии и рассказы о ремеслах (рис. 5).

Рис. 5. Разворот издания-травелога «Сокровища Рифейских гор»

Как и «Потешные прогулки по Уралу» «Сокровища Рифейских гор» обращены скорее к прошлому, к начертанным первобытными художниками оленям, крещеным пермским идолам и боярским хоромам. Иногда в тексте проскальзывают неологизмы и заимствования: «С чего началось на Урале искусство? Не с граффити и не с флешмобов, конечно! С наскальной живописи» [Ленковская, 2014, 28], «Цветочные подносы "forever"!» [Ленковская, 2014, 201], но это скорее попытка говорить с современным ребенком на одном языке, способ привлечь его внимание.

Внимание привлекает апеллирование к эмоциям и опыту юного читателя, большое количество наглядных изображений, персонажи-проводники.

Если травелоги-путеводили звали отправиться в путь, заодно перечитав произведения Бажова или Мамина-Сибиряка, то книга Ленковской побуждает юного читателя самому попробовать то или иное промышленное искусство, например, «Как нарисовать тагильскую розу?» – после рассказа о расписных подносах [Ленковская, 2014, 198] и даже: «Как построить домик в деревне», после знакомства с уральской домовою росписью [Ленковская, 2014, 172]. После главы о камнерезном искусстве Урала разворот посвящен «Вопросам начинающему эксперту» [Ленковская, 2014, 160]. В книге два послесловия: для взрослых «Мастерская на перекрестке культур» (где утверждается общероссийское, а не локальное происхождение, бытование и значение уральской художественной культуры) и для детей «Руками не трогать, или Добро пожаловать в музей!». И затем даются точные сведения о заповедниках и музеях, с точными адресами, телефонами, сайтами и фотографиями. Но столь серьезная информация предваряется, как и в большинстве глав, смешными рисунками Александра Шабурова: мальчик и девочка кричат Хозяйке Медной горы: «До свиданья, тетенька! Спасибо за экскурсию!», а Хозяйка отвечает: «А теперь марш в музей!».

Общая композиция книги Ленковской подчинена путешествию во времени: от наскальных рисунков на камнях-писанцах и чудской меди

(пермский звериный стиль) до тагильских подносов, златоустовской стали и соликамских изразцов. Книга обладает чертами травелога: в самом начале дается краткая и эмоциональная характеристика Урала как особого края, «необъятного и прекрасного», а также представлена схематичная географическая карта, на которой спичками выложен маршрут, обозначены те места, в которых развивались те или иные художественные промыслы, а попутно – и другие достопримечательности: инопланетяне в Молёвке, свердловская недостроенная телевышка, граница Европы и Азии и проч.

Современный Урал в травелогах появляется реже, но и такие книги встречаются. В 2016 году в Екатеринбурге в рамках Фестиваля детского и юношеского творчества была выпущена книга **«Екатеринбург для больших и маленьких. Энциклопедия от А до Я»**. Издание представляет собой сборник небольших историй-сочинений о знаковых местах города, проиллюстрированных детскими рисунками.

Структурно энциклопедия организована незатейливо: все объекты выстроены в алфавитном порядке, поэтому по смысловому наполнению разнородны. Так, на странице буквы «С» соседствует информация о Свердловской киностудии, страусиной ферме, Свято-Троицком соборе и актере Сергее Светлакове. Каждый рисунок сопровождает небольшой текст: «Метро в Екатеринбурге занимает 4-е место в России по количеству пассажиров. Несмотря на то, что станций немного, каждая выглядит как произведение искусства» [Екатеринбург для больших..., 2016, 104].

Все сведения о примечательных местах Екатеринбурга – те, о которых каждый житель, скорее всего, вспомнит в первую очередь, поскольку видит их по пути в школу или на работу, на прогулках по городу: музеи, храмы, торговые центры, кинотеатры, клубы. Центр «Пассаж» – торговый исторический объект, Свердловская киностудия снимает документальные и художественные фильмы, а страусиная ферма расположена вблизи Эльмаша. Исторические факты, безусловно, встречаются, но в травелоге изображен

Екатеринбург современный, все, что описано, может увидеть современный ребенок здесь и сейчас.

Предваряет издание небольшое предисловие и три главы, рассказывающие о том, как Полосатый Кот решает показать своему другу Вове родной Екатеринбург. Позже изображение рыжего Кота время от времени встречается на страницах травелога, прочерчивая сквозной сюжет.

Изображения, детские рисунки – главенствующая деталь издания. Заметим, что привлечение читательского внимания велось уже на стадии подготовки к печати издания – возможность увидеть своим рисунки в энциклопедии для участников конкурса; также краткий объем статей и приятный момент «узнавания» родных мест (рис. 6).

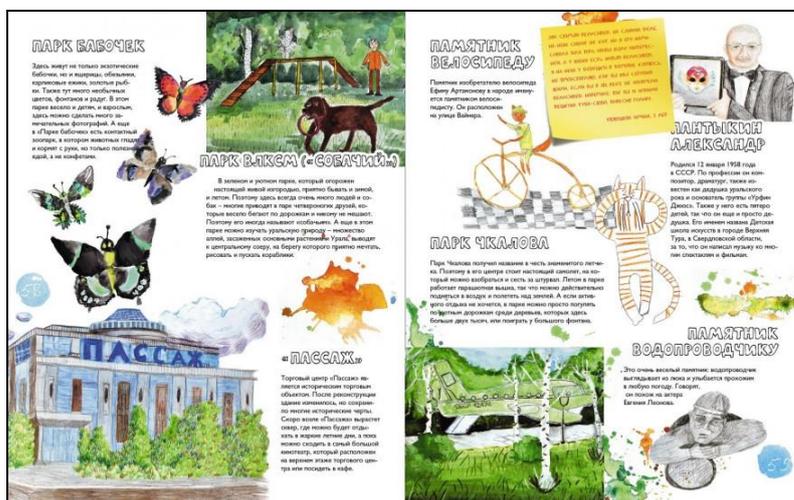

Рис. 6. Разворот издания-травелога «Екатеринбург для больших и маленьких. Энциклопедия от А до Я»

Отметим, что детские комментарии к детским же рисункам иногда довольно банальные, не выправлены речевые ошибки детей. С одной стороны, это убеждает в том, что в книге всё сделано самими детьми, но с другой стороны, более строгой могла быть работа редактора.

Объектом травелога может стать не только область, край или город, фокус изображения порой сужается еще сильнее. К 75-летию Железнодорожного района издательство «Уральский следопыт» подготовило книгу «**Железнодорожный район: история и судьбы**» (Железнодорожный

район: история и судьбы. – Екатеринбург, Уральский следопыт, 2013. – 253 с.)

Авторы-составители ушли от идеи самой простой структуры, описания достопримечательностей, а избрали повествование по типу маршрута: «Выйдя из электрички на станции «Северка», мы оказываемся на пороге...», «Мы с вами находимся на подступах к Железнодорожному району Екатеринбурга, на его отдаленных территориях» [Железнодорожный район..., 2013, 9].

Издание можно найти в библиотеках школ Екатеринбурга, но читательский адрес травелога более широк. Составители едва ли учитывают особенности детского восприятия литературы. На соседних страницах с «безбрежными островами» вдоль рек, богатых «дичью и рыбой», где древний человек строил свое жилище, обнаруживаются вдруг «полукриминальный вещевой рынок 80-х годов» и офисы «стабильного и профессионального» Уралтрансбанка, недавно обанкротившегося.

В целом, несмотря на отчасти рекламный характер многих глав, читатель все же узнает и историю знакомых мест: «на месте нынешнего обширного болота и небольшого зеркальца воды плескалось волнами озеро, подобное по размерам Шарташу», «Время палкинских "гамаюнов" началось в 16 веке».

В равной степени издание посвящено и самым выдающимся горожанам: врачам, преподавателям, промышленникам, инженерам, директорам предприятий.

«Заповедный сказ», небольшую по объему книжку-альбом Нижнесинячихинского музея-заповедника, к жанру травелога нельзя причислить однозначно, однако это очень любопытный представитель современного издания. Адресовано оно детям младшего школьного возраста, и в нем раскраска занимает половину издания. Другая половина – небольшой по объему рассказ о музее и селе, с элементами путеводителя:

«На противоположном берегу речки видна ветряная мельница. Она в музее тоже старинная, лопасти ее в разные стороны глядят» [Подойникова, 2018, 27].

Позиционируется издание как «Альбом-раскраска», но ее функции гораздо шире. Едва ли музей был заинтересован в создании простого альбома для рисования, цель преследовалась другая: познакомить читателей с историей Нижней Синячихи, провести его по маршруту музейного комплекса, для чего и была избрана такая нестандартная структурная организация.

«Удивительная прогулка». И.Г. Рыжков, А.М. Рыжкова.

Книга «Удивительная прогулка» – издание, наполнение которого полностью принадлежит известному уральскому художнику А. Рыжкову. В соавторстве со своей женой он сам выступил в роли писателя и иллюстратора. Травелог адресован детям младшего и среднего школьного возраста и максимально точно учитывает особенности восприятия юного читателя. Это редкий пример, когда в травелог органично вплетены выдуманные герои и сказочная история, картины и словесные истории.

По сюжету мальчик Митя изобретает машину времени и случайно «вытаскивает» из 18 века генерала Виллима Ивановича де Геннина и вместе с ним отправляется в волшебное путешествие по Екатеринбургу. Компанию героям составляет робот-гид-переводчик-советчик Робик, который и выдает путешественникам серьезную историческую информацию.

Буквальное путешествие во времени – это идея для травелогов относительно новая. Несомненно, одни из самых интересных моментов – впечатления генерала от современного Екатеринбурга с его высокими зданиями и неоновыми огнями.

Хотелось бы привести в пример небольшой отрывок. Митя и де Геннин перемещаются на День города и оказываются около Храма-на-Крови. Вокруг много народа, в небе – салют. Вопреки ожиданиям, генерал

не пугается: «А, огненная потеха, сиречь фейерверк. В Петербурге, при дворе, знают в сем художестве толк», – говорит он. Маленькими штрихами автор постепенно эмоционально приближает безликую для многих школьников фигуру основателя города. Затем де Геннин обращает внимание на Храм. Электронный Робик тут же дает краткую, но исчерпывающую историческую справку. Сначала он говорит об убитой во время Революции царской семье: «На этом месте в 1918 году были убиты последний русский император Николай II, его жена, дети и верные слуги». Он называет веру в то, что можно построить рай на земле, отказавшись от старого мира, ошибочной.

В то же время, несомненно, подкупает, что автор не пытается навязать читателям одну точку зрения. Робик честно рассказывает и о достижениях Советского Союза, о ликвидации безграмотности, о множестве построенных могучих заводов, лидерстве в освоении космоса, и, самое главное – победе над фашистской Германией. И реакция путешественника во времени оказывается сдержанной, но красноречивой: «Опечалился генерал и долго молчал. А потом говорит сердито: – Никуда не годен ваш фейерверк» (Рыжков А., Рыжкова И. Удивительная прогулка // Уральское литературное агентство. – Екатеринбург, 2013).

А. Рыжков очень аккуратно и бережно подводит читателя к мысли, что в истории нашей страны есть множество спорных, неоднозначных моментов, и пробуждает интерес к ним.

Отдельного разговора заслуживают иллюстрации. Все они выполнены одним художником, что обеспечивает стилистическое и художественное единство оформления. Мягкие цвета, дома с изогнутыми стенами – словно живые. По словам А. Рыжкова, он пытается придать им какое-то движение, и именно поэтому в его картинах много кривых линий и деформаций. На изображениях мелькают и рекламные вывески, автомобильные пробки и серые стены, но и с этим можно примириться, найти в шумном мегаполисе гармонию (рис. 7).

Рис. 7. Иллюстрация А. Рыжкова к тревелогу
«Удивительная прогулка»

Органичность художественного воплощения связана и с тем, что А. Рыжков, как автор и текста, и иллюстраций, прекрасно понимает, как удачнее соединить их. Причем личный взгляд на город выражен в тревелоге больше посредством рисунков, чем не текста. Другое издание книги «Нарисованный город» предпринято уже одним Алексеем Рыжковым, и репродукции его картин сопровождают его же проникновенные рассказы о любимых уголках города, о тех замечательных людях, с которыми он был знаком, о событиях уже далекого детства. (А.М. Рыжков. Нарисованный город. Изд. 3-е, доп. и перераб. – Екатеринбург, без изд., 2016. – 256 с.)

Не случайно А. Рыжков говорит в одном интервью: «Я стал рисовать Екатеринбург отчасти потому, что мне не нравилось, как это делают другие художники. Хотелось показать, как я вижу город» [Рыжков, 2018, URL]. Он не только показал, но и рассказал о *своем* городе.

«Каменный пояс. Путешествие по Уралу» с детскими писателями».

В 2011 году издательство «Генри Пушель» выпустило книгу, в которой 19 авторов описывают те места Урала, где они родились или побывали. Маршрут начинается от Северного Урала, с его красотами в краю Коми, пролегает через Екатеринбург, затем – к трамвайной столице Усть-Катав, к

озеру легенд Тургояк, и завершается в южном Оренбурге (Путешествие по Уралу с книгой: материалы для элективного курса // Филологический класс. 2016. № 1(43). С. 30-35).

Среди авторов – лучшие уральские детские писатели, среди которых уже знакомые нам по представленным тревелогам: С. Лаврова, Е. Ленковская, А. Рыжков.

Всего 28 маршрутов. Каждый начинается со знакомства с «гидом», где нам представляют писателя, затем – небольшая справка о месте, куда читатель отправляется.

Каждый рассказ, следуя за традиционными тревелогами, представляет собой личную историю путешествия: «Снег рыхлый, и лыжи глубоко проваливаются при каждом шаге. Идти первым чрезвычайно трудно. Каждый шаг отнимает уйму сил», «Красота такая, что дух захватывает» [Каменный пояс России, 2011, 7].

В личные очерки органически вплетены исторические рассказы о посещаемом месте. Например, о возникновении города-завода Нижнего Тагила. Экскурсию по Нижнему Тагилу ведет писатель Б. Телков, и в своем очерке он рассказывает о том, как Петр I. вернувшись из заграницы, всерьез задумался о развитии металлургической отрасли. Тема выбрана серьезная, но рассказывается с юмором, так, что от чтения просто трудно оторваться: «Слуга еще не успел выбить из царского кафтана заграничную пыль, как Петр позвал к себе для разговора Андрея Виниуса» [Каменный пояс России, 2011, 47].

Еще одну важную особенность книги отмечает Н.В. Барковская в статье «Путешествие по Уралу с книгой: материалы для элективного курса» – это «очень сдержанное, но правдивое повествование о страшных страницах истории». Один из авторов, Игорь Сиротин, со слов своего дедушки рассказывает о Воркуте. Город хранит в своем прошлом много печальных историй, ведь в его шахтах работали политические заключенные. Здесь же на

страницах травелога мы видим изображение памятника жертвам политических репрессий.

Художественное оформление также очень высокого уровня, издание изобилует фотографиями, картами, рисунками. Отметим, что в совокупности с текстом они создают композиционное единство.

§ 2.2. Современные уральские травелоги для детей: реализация устойчивых признаков жанра

Рассмотрев ряд травелогов, которые были написаны и изданы в последние десятилетия, определим, насколько современные издания опираются на базовые характеристики традиционных травелогов и реализуют их, или, возможно, преобразуют.

Термином травелог литературоведы используют все чаще, хотя и вкладывают в него порой противоречивые смыслы. Активные пользователи Интернета, быстрее всех подхватывающие все новинки, в том числе и неологизмы, также используют новое слово в тематических пабликах. Однако авторы литературы, которую мы причисляем к травелогам, собственно травелогами свои произведения и не называют. Очерки, сказы, сборники, путеводители – вариативность обозначений разнообразно. С другой стороны, довольно спорно, что, например, путеводителем называют издание, которые по своему содержанию явно выходит за рамки названного жанра (как в случае с книгой Черноскутова «С Бажовым по Уралу»).

Травелогу как жанру еще только предстоит обрести общеупотребительное и понятное всем значение. Да и взрослого, который хочет приобрести для своего ребенка книгу, непривычное слово может оттолкнуть. Другое дело – сборник топонимических легенд или энциклопедия – вот это знакомо и не вызывает вопросов.

Часто авторы травелогов, основа которых, как мы знаем, путешествие, называют свое произведение прогулкой, экскурсией или литературной экспедицией. Вот «Потешные прогулки по Уралу» – действительно, сама

подача информации походит на веселый бесхитростный маршрут, где внимание читателя приковывают разные интересные моменты, но взгляд на них долго не задерживается. Или «Заповедный сказ», музейный проект, в рамках которого нам устраивают своеобразную экскурсию и показывают жизнь одной уральской деревни, ее историю и архитектуру старинных построек. Наконец, «Каменный пояс. Путешествие по Уралу с детскими писателями» уже претендует на настоящую экспедицию, с картами, фотографиями, четко проложенными путями и серьезным углублением в изучаемый материал.

Авторы указывают на то, что **композиционной основой произведения является путешествие.** То есть даже если понятие «травелог» не звучит, есть, помимо жанрообразующих элементов, определенные слова-маркеры для него.

Субъект автора в травелоге. В первой главе мы приводили мнение исследователей, утверждающих, что жанры литературной географии в принципе обязательно включают в себя личный опыт путешественника. И, что характерно, современные травелоги большей своей частью придерживаются этой особенности.

Не будем подробно останавливаться на травелогах, где автор очерка или «маршрута» назван прямо. Вот «Каменный пояс. Путешествие по Уралу с детскими писателями» уже в аннотации сообщает: «Авторы сборника – лучшие уральские детские писатели – рассказывают только о том, где были сами, о тех местах, которые любят. Пишут интересно, удивляя читателя необычными фактами и заражая своей страстью к путешествиям, любовью к родным местам» [Каменный пояс России, 2011, 5].

Интерес представляют травелоги, где наличие авторского взгляда вроде бы и необязательно. «Сокровища Рифейских гор» повествуют об уральских искусствах и ремеслах, но здесь мы встречаем субъективный авторский комментарий: «Глядя на портрет голландского учёного-натуралиста Николая-Корнелия Витсена (1641–1717) и вспоминая о том, что современники с восхищением называли его новым Колумбом, я, признаться,

не могу отделаться от странных и возможно неподобающих серьёзному человеку мыслей» или «Наиболее примечательной с художественной точки зрения представляется мне фигура лося» [Ленковская, 2014, URL]. К тому же, в тексте мы встречаем и нарисованных персонажей-проводников: автора, ее сына и саму Хозяйку Медной горы.

Так и «Потешные прогулки по Уралу» включают авторские заметки: «Свой первый кусок малахита я нашла именно так – шла по тропинке в лесопарке и пнула ногой камешек».

В сборнике «Жил-был седой Урал» и музейном альбоме «Заповедный сказ» автор надевает на себя маску рассказчика преданий: «И я в музее том был, о нем сказки людям по всей земле разносил» [Подойникова, 2018, 37]., «Не пропадать же сказке-присказке! Кому-нибудь, кому-никому, может, и сгодится. Приживется – пусть живет. Нет – мое дело сторона. За что купил, за то и продаю» [Жил-был седой Урал, 2013, 13].

В первой главе были обозначены четыре стратегии, которые может занимать автор относительно пространства: преодоление, освоение, изучение, сознание. Проанализировав представленные издания, можно сказать, что в современных уральских травелогах чаще всего реализуется стратегия сознания. Автор – мыслящая и чувствующая личность, преломляет пространство в собственном опыте и ощущениях.

Национальный (в нашем случае – региональный) нарратив – пожалуй, именно та устойчивая характеристика, без которой никакого травелога бы и не случилось. В исследуемых изданиях представление о родном крае во многом опирается на следующие элементы: специфические слова («мы умудрились разжечь костерок, несмотря на хмурое небо и затянувшийся бус» [Зеленые горы..., 2008, 38]), устойчивые образы и метафоры, культурные особенности (суровый уральский характер, девушка-змея). Отдельно стоит сказать о топонимах. В современных травелогах редкий уголок края остался незамеченным, маршрут литературных путешествий прокладывается с Южного Урала до Полярного.

Соответственно, и топонимы отличаются многообразием: Зюраткуль, Таганай, Кыштым, Денежкин камень и многие другие.

Географический фон, безусловно, также отчетливо проявлен во всех травелогах. Он может охватывать весь Урал, отдельный город или даже район, либо маршрут следования по следам значимых событий или исторических фигур. Реализуется и классические уровни страноведческого анализа:

- Индивидуальные физико-географические особенности природы («заветные повороты реченьки-плескуньи, берега, поросшие лозняком, черемушником, островки, над которыми волнуются рогоз и тростник... » [Зеленые горы..., 2008, 13]., «Правда, есть еще загадка с рекой Чусовой. Она единственная пересекает Уральский хребет. Остальные реки текут каждый со своей стороны» [Лаврова, 2011, 25], «60 рек берут здесь начало. Они обеспечивают водой одну из крупнейших рек Европы – Печору» [Каменный пояс России, 2011, 3].

- Хозяйство; как правило, внимание уделяется ведущим отраслям экономики и характерным для края промыслам («Здесь <...> расположился завод «Уральске самоцветы» <...> Сейчас это крупнейшее в стране камнерезно-гранильное предприятие со множеством филиалов» [Черноскутов, 2012, 8]. «Это было явленным чудом: завод, стоящий на крохотном болотном "пятаке", закрытом массивными воротами, раз за разом выдавал миру все более совершенные, по новейшим технологиям сработанные, машины и механизмы» [Железнодорожный район..., 2013, 29].

- Население, его этнический и профессиональный состав (Коми – это замечательные люди, которые живут в Приаралье, нас севере Урала, и, конечно, в Коми-крае» [Жил-был седой Урал, 2013, 15], «исконные жители прикамской земли не испытали многовекового воздействия древнерусской культуры, и она входила в их духовный мир почти одновременно с влияниями Запада» [Ленковская, 2014, URL].

- Культурные достопримечательности («Роспись эта – особая, уральская. Ею на Урале дома с 19 по начало 20 века украшались. Только в музее Ивана Даниловича она сохранилась. Ничего подобного больше нет на Руси» [Подойникова, 2018, 23]. «Белая башня была построена в 1931 году вместе с гигантским заводом Уралмаш. <...> В то время она была самым большим баком для воды в мире» [Рыжков, 2013, 11].

§ 2.3. Современные уральские травелоги для детей: особенности художественного оформления

Абсолютно во всех рассмотренных травелогах заметную роль в оформлении издания играют изображения, в отдельных случаях они становятся основной составляющей (например, «Екатеринбург для больших и маленьких. Энциклопедия от А до Я»). Разновидности их, в целом, традиционны:

- Фотографии – чаще всего это природные места Урала, фотопортреты писателей, исторических личностей, изображения образцов уральского искусства, архитектурные сооружения.

- Рисунки. Назначение рисунков может варьироваться. Иногда, как в «Потешных прогулках по Уралу» – это призванное разнообразить текст красочное дополнение. В «Сокровищах Рифейских гор» рисунки функциональны, неправильным было бы вести рассказ о предметах искусства и не демонстрировать их читателю. В травелогах А. Рыжкова выражается личностное восприятие города через его образные картины (музы, пролетающие над Оперным театром или дымок в виде ящерицы из трубки прохожего около Дома Бажова).

- Карты. Наличие карт характерно для «литературных экспедиций», когда читатель может взять книгу с собой в путешествие и ориентироваться по ней. Травелоги по следам уральских писателей могут содержать карты прошлого. Например, в травелоге «Зеленые горы, пестрый народ»

приводится карта генеральной дачи Кыштымского округа, по которой путешествовал Д.Н. Мамин-Сибиряк.

- Персонажи-проводники. Уже упомянутые Вова и Полосатый Кот («Екатеринбург для больших и маленьких. Энциклопедия от А до Я»), один из основателей Екатеринбурга де Геннин и Митя-изобретатель («Удивительная прогулка» А. Рыжкова); Змейка – Хозяйка Медной горы, автор травелога Е. Ленковская и ее сын Данила («Сокровища Рифейских гор»).

- Прочие элементы: узоры, схемы, гербы городов и др.

Текст и изображения дополняют друг друга, в связке решают функциональные задачи. Подобный принцип организации системы знаков часто называют **интерактивным**. Суть заключается в том, что между всеми элементами системы происходит постоянный взаимообмен, взаимосвязь.

Сразу обратим внимание, что это не обязательная характеристика травелога и не все рассмотренные ранее издания следуют данному принципу.

Как правило, понятие интерактивность вызывает, прежде всего, ассоциации с компьютерными технологиями. Пользователи Сети привыкают к такой подаче информации, когда они могут быть сразу в нескольких местах, везде и всюду, получать данные сразу из нескольких источников. И некоторые травелоги, возможно, интуитивно придерживаются похожей модели размещения материала.

Приведем несколько примеров. Перед нами – книга «Жил-был седой Урал», включающая в себя сборник топонимических легенд. Представим, что текст легенд мы читаем в Интернете. Скорее всего, после (или даже во время) прочтения мы захотим посмотреть, во-первых, реальное изображение мифологического места, во-вторых, откроем первую же ссылку с краткой информацией к нему. Здесь же печатный травелог предоставляет нам такую возможность, размещая на своих страницах и фотоизображение, и краткую справку. Прочитали старинное башкирское предание про Хасанов Холм, тут

же увидели большую красочную фотографию самого места, а рядом – небольшое информационное окошечко с его географическими параметрами.

Еще дальше идет тревелог «Путешествия по Уралу с детскими писателями». На одной только страничке, помимо текста очерка, мы видим: пейзажную фотографию, небольшую фотографию писателя-экскурсовода с биографическими данными, герб города, окно с информацией о локациях запланированного маршрута, схему, показывающую, сколько километров от исходной точки до Перми, Екатеринбурга, Оренбурга, Кудымкара (рис. 8).

Рис. 8. Разворот издания-тревелога «Путешествия по Уралу с детскими писателями»

Все это отвечает привычному для школьника способу получения сведений – можно легко переключиться с одного на другое, при этом все основные материалы доступны и находятся здесь же, на одном развороте. Видео- и аудиофайлов не хватает разве что, но, как представляется, к тревелогам вполне могут прилагаться информационные носители для ноутбуков и персональных компьютеров.

Не будем углубляться в дискуссии по поводу того, как влияет на молодое поколение нынешняя культура «обрывочного» восприятия информации, отказ не от текста, а от его линейности.

Современный философ К. Фрумкин в статье «Откуда исходит угроза книги» пишет: «Словарь с короткими, ссылающимися одна на другую статьями – вот бумажная книга будущего. Текст будущего – короткий, рубленый, вроде реплик "ЖЖ" или "Твиттере"» [Фрумкин, 2010, URL].

Вполне возможно, именно такая структурная организация будет приоритетной в печатных травелогах будущего. В любом случае, мы не можем отгораживаться от желаний и мнений юного поколения читателей.

§ 2.4. Семантика Урала в современных детских травелогах

В книге «Пространство и текст» В.Н. Топоров говорит о то, какую роль играет семантика пространства в произведениях. Автор, который пишет об определенном географическом месте, зачастую использует «готовые» топологические модели. При этом автор сохраняет изначально заложенный в них смысл, но в разной степени индивидуализирует их. (Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983, с. 227–284).

В литературном произведении моделируются различные связи картины мира: этические, социальные, национальные и другие. Урал как географическое пространство имеет исторически заложенные смыслы, семантику, что, в свою очередь, находит отражение и в детских травелогах.

а). Семантика «пестрого народа», «плавильного котла».

Понятие «плавильный котел» произошло от американского термина *melting pot*. Сегодня подобной модели развития этнического общества придерживаются в Соединенных штатах. По сути, термин «плавильный котел» перекликается с термином «мультикультурализм». По концепции «плавильного котла», несколько народностей, находясь в тесном взаимодействии, спокойно уживаются друг с другом. Происходит слияние на биологическом и культурном уровнях.

Идеи «плавильного котла» уральские писатели придерживаются отчасти. Очевидный минус теории – обезличивание отдельных этносов, стремление все народности погрузить в одно социокультурное поле. В

уральских травелогах не прослеживается желание авторов лишить каждый из проживающих на Урале народов этического своеобразия. Да, мы давно мирно живем бок о бок и связаны общей историей, однако не стремимся сделаться одинаковыми. Наоборот, можно сохранить в себе преданность этническим корням, но при этом и входить в семью всех уральцев. Если ты живешь здесь и любишь родную землю, значит свой, земляк. Вспомним название группы КВН из Челябинска – «Лица уральской национальности».

Почти все травелогисты так или иначе затрагивают тему «пестрых народов» Урала. С. Лаврова в «Сказаниях Земли уральской» говорит о том, что русские люди, придя на Урал, принесли с собой и сказки, и песни, и сказания. И уже здесь с русскими преданиями встретились марийские, коми-пермяцкие, селькупские, башкирские. Затем к многообразию сказок прибавились уже общие истории и байки о заводах, промышленниках и разбойниках.

В травелогисте «С Бажовым по Уралу» соседствуют промышленный Екатеринбург с его вокзальной площадью, памятником танкистам и, например, останец Шайтан-камня. И если закрыть глаза, увидим здесь же владения богатыря Айлыпа и Полозовой дочери.

«Каменный пояс. Путешествие по Уралу с детскими писателями» предлагает взглянуть на край во всем его национальном многообразии. Так, Оренбурге проживают десятки национальностей. Город связан с казачеством, при этом здесь проводятся и татарские сабантуи, и башкирские курултаи. В самом издании мы встречаем легенды и мифы самых разных этносов.

Наконец, сама концепция травелога – сборника топонимических легенд «Жил-был седой Урал» – раскрывает суть идеи многонационального, «пестрого» населения Урала.

Возможно, мы постепенно уходим от представления, что «завод всех перемолол».

б) Уральцы – мастера и труженики.

Предки нынешних уральцев трудились на заводах Демидовых, были ссыльными крестьянами, рабочими, которых на север пригнала нужда,

старообрядцами, горными специалистами и инженерами, эвакуированными жителями юга и центра страны во время Великой Отечественной войны.

Столетия назад сложилось представление об уральцах как о рабочих, мастерах и тружениках. Вспомним самого известного героя сказов Бажова – Данилу Зверева, не случайно прозванного Данилой-мастером.

С промышленностью тесно связано развитие уральских городов, из-за которой осваивались территории, строились заводы и образовывались поселения вокруг них.

С детства мы знаем о том, что Урал – опорный край державы, щит и меч Родины, а население края днем и ночью упорно трудилось ради победы страны в 1945 году. И раньше, во время войны с Наполеоном, Урал ковал ядра и пушки, поставлял армии оружие для разгрома вражеских армий.

И сегодня, обращаясь к жителям региона, губернатор Свердловской области Е. Куйвашев в речи подчеркивает, что на Урале «живут и работают настоящие труженики, мастера своего дела», и благодаря им, «мы гордимся успехами наших предприятий, заводов и фабрик, которые в непростое для экономики время находят в себе силы мобилизоваться на успех» [Куйвашев, 2015, URL].

Осознание себя как жителя края умельцев и рабочих пусть и не ново, но никуда не исчезает из современных детских травелогах. Также упоминается, что уральцы – потомки людей храбрых, волевых. «Человек трусливый не отважился бы на столь рискованное предприятие, как освоение, скорее даже завоевание новых земель», – утверждают в издании культурно-исторических очерков «Крестьянский сарафан Малахитницы». [Крестьянский сарафан..., 2003, 13].

Если в травелоге появляется локация города, то обязательно будут изображены заводы, фабрики или ремесла.

В самом первом путешествии «В Висим, на Родину Мамина-Сибиряка» травелога «Зеленые горы, пестрый народ», автор очерка-маршрута не может удержаться от экскурсионного обзора Невьянского завода даже в быстром,

«транзитном» туре. Подчеркиваются в очерке достижения первых российских металлургов, оправдавших надежды Петра I.

«Мы – работники!», «Что такое завод? Это стены и мы», «Медаль за бой, медаль за труд» – красноречивые заголовки издания «Железнодорожный район: история и судьбы» перекликаются с идеей горожан-тружеников.

Травелог «Сокровища Рифейских гор» Е. Ленковской – гимн уральским искусным мастерам. «На Урале живут замечательные люди. Надёжные, с независимым характером, умельцы и трудяги. <...> И искусство, и ремёсла здесь тоже особые, с ярким самобытным характером» – делится автор с юными читателями. О чем бы дальше ни шел разговор – о кармацких петушниках с росписью крестьянских изб, загадочной чуди из бронзы, о каслинских и тагильских умельцах – «езде мы встретим основательность и мастеровитость, изобретательность и "понимание" материала, свежесть и простоту, силу и грацию, фантазию, а иногда и наивное лукавство» [Ленковская, 2014: 17].

С. Лаврова в «Потешных прогулках» напоминает, что первую паровую машину изобрел именно уральский мастер И.И. Ползунов, а первый паровоз в России следовал по маршруту Выйский завод – Медный рудник в 1833 году.

И сегодня Урал известен развитой тяжелой промышленностью и камнерезным мастерством. Проводятся выставки, семинары, мастер-классы технологических приемов. Учителя и наставники делятся опытом с будущими специалистами, студентами профильных колледжей и вузов, и первое представление об уральцах-мастерах ребенок может почерпнуть именно из книги Ленковской, что обуславливает большое воспитательное значение данной книги.

в). Семантика хтонических глубин и отказ от образа «периферии».

Во многих мифологиях хтоническими (от греческого «земля», «почва») назывались божественные существа, которые олицетворяли дику

необузданную мощь земли, пещер, разломов. Метафора Рифейских гор как подземного царства появляется еще в одической традиции М.В. Ломоносова.

Хрестоматийно противопоставление Уральских гор горам Кавказа. Для вторых ключевыми оказываются его вершины, для Урала важна тема глубинных недр. Вспомним, как удивляется Бажов-Колдунков, когда впервые видит Медную гору. Вместо величественной вершины он видит яму. Позже отец объясняет ему, что горой добытчики называют месторождение полезных ископаемых. Сама гора – внизу, в глубине. «Земные огни самоцветов в торжественном сумраке гор», – вторит ему уральский поэт Л. Татьяничева.

Современные авторы продолжают следовать сложившемуся геопозитическому образу края. Проза А. Иванова отражает устойчивые мотивы глубинных недр: «древних», «мистических», «хранящих сокровища».

«Правда, что на Урале есть глубокий ход сквозь землю аж до Америки? И однажды туда с американской стороны провалился американец и летел прямо до Урала?» [Лаврова, 2011, 26] – спрашивают в травелоге «Потешные прогулки по Уралу». И автор рассказывает о большой пещере, глубиной более полсотни метра. Находится пещера недалеко от города Нижние Серги. Может быть, когда-нибудь на Урале и море появится, ведь уже существует раскол в земной коре близ селения Бреды.

В другом своем травелогe – «Сказания Земли уральской» – С. Лаврова рассказывает о найденных краеведом из Тобола Р.Г. Игнатовым домах бронзового века. Жилища располагались под землей и были соединены между собой тоннелями-переходами.

Вот они, горы Урала – самоцветы в глубинах, шахты, пещеры, разломы. И где-то самых недрах – герои сказов Бажова, Хозяйка Медной горы, Синюшка и золотоцветень.

«И разве вершины – главное?» – задается вопросом Е. Габова, проводник по маршруту «Уральские красоты в краю Коми» в книге «Путешествия по Уралу с детскими писателями».

В этом же травелоге реализуется еще одно представление об Урале как об «опоясывающем крае». Россия – страна огромная, и во многих умах Урал остается глубинкой, провинцией. Современные писатели-травелогеры с этим не согласны. В Средневековье Урал часто именовался по-другому – Пояс. Земной или каменный. Авторы «Путешествия по Уралу с детскими писателями» рассказывают легенду обских угров. Дочь самого главного бога – Нуми-Торума просит отца укрепить землю, которая все движется, на месте не стоит, не удержаться человеку, как он появится. Послушал отец, снял свой пояс нарядный, опустил на землю, и стал тот пояс Уральским хребтом, самой серединой земли. Конечно, многие места почитают себя центром планеты: и Китай, и Эквадор, и остров Пасхи, и это правильно, ведь центр там, где твоя родина. Но если с другой стороны посмотреть – пояс-то всегда посередине, «распоясавшимся» назовут человека, который не может взять себя в руки. Лишится пояса – значит лишит себя защиты, оберега от злых сил [Каменный пояс..., 2011, 4].

Сборник топонимических легенд «Жил-был Седой Урал» предлагает другую сказку-легенду. Как отвердела земля, из жарких, преисподних мест выполз Змей-полоз. Преодолевал он много верст, да и замерз, окаменел. Прошли годы, зарос Змей лесом, а тело его стало Уральскими горами. В этой легенде мы тоже встречаем мотив «опоясывания», ведь Змея прозвали Каменным поясом.

Противопоставления центральной России, которое порой остается в сознании взрослых, в детских травелогах нет.

г) Урал и его литературное наследие

Урал – край сложившейся литературной традиции, представленной, в первую очередь, П.П. Бажовым и Д.Н. Маминым-Сибиряком. От Бажова – сказы на основе местной мифологии, от Мамина-Сибиряка – представление горнозаводского быта.

Издаются травелоги, где в фокусе изображения, наряду с географическими локациями, оказываются писатели, чья жизнь и творчество

неразрывно связаны с Уралом. В упомянутом ранее издании «Зеленые горы, пестрый народ» авторы очерков пишут с оглядкой на фигуру Д.Н. Мамина-Сибиряка: «Мы двигались от платиновых промыслов к Висиму, словно выполняли завет Дмитрия Наркисовича» [Зеленые горы..., 2008, 20], «На стене – метрика о рождении писателя. Еще – автограф, сделанный рукою школьника Мити на свободном месте деловой записи Наркиса Матвеевича, который учил сына грамоте» [Зеленые горы..., 2008, 39].

Между тем экскурсии все чаще из сугубо литературных превращаются в реальные или виртуальные. В Интернете без труда находится огромное разнообразие проектов путешествий «по следам» уральских писателей.

д). Урал – край загадок и чудес

Мотивы путешествий, кладоискательства, разнообразие этносов, а с ними легенд и преданий, необъятное море девственных лесов, загадки в глубине гор – все это делает Урал местом таинственным, даже мистическим. В литературе утвердился со временем образ загадочного Урала, «страны безмерностей».

Отражение такого представления мы находим и в детских травелогах. Авторы «Путешествия по Уралу с детскими писателями» уверяют, что «нам повезло родиться и жить в самом необычном месте планеты». «Потешные прогулки по Уралу» концептуально построены на разрешении загадок края. Говорят, Александр Македонский доходил до нашего края, что в одном городе есть пещера изо льда, что наши мастера умеют делать кружева из металла – узнай, что правда, а что вымысел, предлагает автор.

«Сокровища Рифейских гор» рассказывают о таинственном народе – чуди, что жил на Урале в далекие времена: они не знали жадности, равнодушны были к драгоценным камням и обладали сакральными знаниями.

Травелогги предлагают читателю отправиться в путешествие, найти свой маршрут среди лесов, разгадать тайны родной земли. Так Урал в литературе оформляется и в мистический топос.

§ 2.5. Детские травелоги как часть современной литературы

Очевидно, что сегодня литература для детей в целом изменяется, трансформируется. И травелоги, как часть литературного процесса, тоже имеют ряд особенностей и свойств, которые отвечают запросам современного ребенка.

Во-первых, **отсутствие морализаторства**. Когда-то считалось, что вся литература, написанная для детей, должна быть нравоучительной. Считалось, что если книга ничему не учит, никого не воспитывает – зачем ей вообще быть? Современный читатель, ребенок или взрослый, очень не любит, когда книга или что-либо еще диктует, что он должен делать и как думать.

Заметим, что это вовсе не означает, что все произведения теперь не транслируют моральных и этических позиций. Травелоги и обучают, и выполняют свою просветительскую задачу, но делают это тоньше, изобретательней. Не прочтешь в современном детском травелоге фразы наподобие «ты обязан знать». Наоборот, все предисловия к литературным путешествиям похожи на приглашение отправится вместе к самым примечательным местам родного края, чтобы разгадать его тайны и загадки, увидеть его чудеса и оценить всю красоту природы и городов.

Вот первые строки травелога «Зеленые горы, пестрый народ»: «Дорогие ребята! Мы приглашаем вас в путешествие... Конечно, вы и без нашей подсказки знаете, что любая книга – это своеобразное странствие, экспедиция в особый мир, созданный автором» [Зеленые горы..., 2008, 5]. Или напутствие травелога «Крестьянский сарафан Малахитницы»: «Людей любознательных издавна волнует вопрос: А что было раньше? Кто и как жил прежде на этой земле? < > Попытаемся, насколько это возможно, прорваться через молчание веков, не претендуя при этом на строгую научность и документированность, но и не фантазируя бездумно» [Крестьянский сарафан..., 2003, 6].

Во-вторых, важна информационная **достоверность**, которая, в свою очередь, работает на двух уровнях:

- *Правдивость фактической информации.* Современный информационный поток, который льется на каждого из нас через телевидение, интернет и книги, воистину огромен. Даже взрослому человеку сложно понять, где правда, а где ложь, обрести твердую опору. Ребенку в этой ситуации еще сложнее в силу недостаточного личного опыта и фоновых знаний. Травелог предлагает читателю в целом достоверную информацию, которую легко можно проверить, или пройти предложенный маршрут и убедиться в правдивости изображаемого самому. Сюда же мы можем отнести эффект узнаваемой реальности, поэтому что травелоги можно назвать литературой честной.

- *Искренность личного опыта автора, отсутствие фальши.* Если в субъектной структуре травелога есть фигура автора, то все, о чем он пишет, прожито им самим. Он видит леса и горные хребты, поселки и заводы, и рассказывает о них, исходя из своего индивидуального, неподдельного восприятия. «Мы отыскивали осколки цветного турмалина и граната и испытали на себе, что чувствует поисковик-горщик, принимая на ладонь сочащийся цветным светом дар земли» [Зеленые горы..., 2008, 29]

Не лишним будет упомянуть про **наличие элемента игры**. Конечно, принять участие в формировании сюжета или стать главным героем читатель едва ли сможет, однако в некоторых травелогах может сам выбрать маршрут своего литературного путешествия. «Путешествия по Уралу с детскими писателями», например, вполне подразумевают такую возможность.

Или в «Заповедном сказе» можно раскрасить изображения и «оживить альбом», вернуть церквям, домам и предметам быта их первоначальный вид, либо придать экспонатам музея-заповедника новый колорит, выбрав любимые цвета.

Добавим, что современные травелоги можно, а иногда и нужно **читать совместно с ребенком**. Семейное чтение помогает формировать гармоничную личность, ведь во время чтения дети испытывают различные эмоции и учатся понимать их. Взрослый при совместном чтении травелога

подскажет значение непонятных слов, обратит внимание на детали повествования, изображение, или поделится личным опытом, если побывал в местах, которые описывает литературное путешествие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Последние десятилетия в литературоведческих исследованиях, касающихся так называемой литературной географии, все чаще звучит непривычный еще для многих читателей и ученых термин *травелог*.

Как правило, травелогом литературоведы называют весьма пространный корпус тестов, а пользователи Интернет бездумно нарекают травелогом практически все заметки и видеодневники, имеющие отношение к путешествиям. На сегодняшний день нет единой концепции, какие тексты с полной уверенностью отнести к жанру травелога, а какие нет.

В диссертационной работе мы исследовали травелоги как вид литературы о родном крае, и на примере современных изданий для детей и подростков попытались выявить устойчивые признаки жанра уральских травелогов, а также специфические особенности самих произведений.

В первой главе диссертации освещена краткая история жанра литературной географии, рассмотрены мнения и точки зрения исследователей относительно содержательного значения термина травелог.

В целом, изучив работы, посвященные травелогам, мы можем констатировать, что общеупотребительное и однозначное определение жанра травелога на сегодняшний день не выработано. Нами была выдвинута гипотеза о том, что травелог можно рассмотреть с позиции наджанровых категорий, в частности, метажанра. Здесь мы столкнулись с еще одной трудностью: понятие метажанра также недостаточно исследовано.

В итоге, рассмотрев некоторые метажанровые концепции, мы обозначили основные признаки метажанра и то, насколько их можно применить к травелогам.

Важно подчеркнуть, что данный раздел исследования не претендует на окончательное решение проблемы, а демонстрирует один из возможных вариантов научного подхода изучению жанровой специфики травелога, оставляя, тем не менее, много дискуссионных вопросов.

В ходе анализа травелога как жанра, целесообразным нам представилось выявить его устойчивые характеристики: специфику художественного пространства и времени, субъектную организацию, преследуемые цели высказывания и дискурс.

Выбранный подход оказался в целом удачным, поскольку на его основе удалось выявить основные признаки и элементы травелога: путешествие как композиционную основу, степень выраженности авторского присутствия в дискурсе, основные цели, преследуемые травелогом, наличие географического фона, а также национального или чужого нарратива.

Все перечисленные элементы представляются актуальными как для взрослых, так и для детских травелогов. С другой стороны, мы должны были учитывать, что травелоги для детей имеют свою специфику. Стала очевидной необходимость, во-первых, в кратком экскурсе бытования жанра литературной географии в детской литературе, а во-вторых, в осмыслении тенденций современной детской литературы. Один из самых важных выводов данного раздела состоит в том, что травелог представляется видом литературы, который может помочь подрастающему поколению преодолеть разрыв в культурной памяти поколений, а также стать достоверным источником о прошлом и настоящем родного края.

Во второй главе диссертации, в первую очередь, представлен анализ современных детских изданий, которые могут быть отнесены к жанру травелога. Сегодня авторы тяготеют к переосмыслению литературных традиций и форм. Каждая из рассматриваемых книг поэтому, при общем фокусе изображения и назначении, имеет свою уникальную структуру и особенности.

Далее, на основе указанных травелогов, исследованы элементы, касающиеся их содержания и структурно-художественного оформления. Перед нами стояла задача проследить, как выявленные в первой главе устойчивые признаки жанра травелога реализуются в современных детских уральских травелогах.

Были сделаны выводы о крайней важности единства художественного и содержательного наполнения травелогов. Несмотря на то, что собственно изображения в изданиях традиционны (это фотографии, карты, схемы, рисунки), они находятся на разных уровнях взаимодействия с текстом, от простого дополнения до функционального назначения.

Также отмечено стремление структурной организации травелогов к интерактивности – взаимосвязи между ранними элементами одной системы, ориентация на активного читателя; подобная подача материала характерна для Интернет-страниц.

Один из параграфов посвящен географическому пространству Урала, которое, в свою очередь, обладает исторически заложенными смыслами. В современных травелогах в полной мере воплощается семантика «плавильного котла» и «пестрого народа», хтонических глубин и «опоясывающих» гор, представление об уральцах как о мастерах и тружениках, о литературном наследии Урала, его загадочности, таинственности.

И, наконец, травелоги рассматриваются как часть современного литературного процесса.

В ходе работы над диссертацией особую трудность представила недостаточная научная освещенность понятия травелог. Исследований этого литературного жанра на сегодняшний день немного, причем авторы не имеют единого взгляда на его специфику и характерные особенности.

В будущем, как представляется, термин все же получит общепринятое распространение и относительно единую точку зрения на свою жанровую специфику, а детская литература пополнится еще ни одним интересным, грамотным и красочным травелогом.

Полагаем, что материал представленной диссертации будет полезен преподавателям для проведения внеклассной деятельности, проектов и классных часов, посвященных краеведению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев П. В. Русский ориентальный травелог как жанр путевой прозы конца XVIII – первой трети XIX века [Текст] // Филология и человек. – 2014. – № 2. – С. 34-46.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс: лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – С. 136-137.
3. Аскарлова В. Я., Сафонова Н. К. Читающий подросток в фокусе разнообразных представлений [Электронный ресурс]. URL: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=270 (дата обращения: 12.11.2018).
4. Балла О. Нефотографизмы: преодоление травелога // Homo Legens. – 2013. – № 4. [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/homo_legens/2013/4/nefotografizmy-preodolenie-traveloga.html (дата обращения: 12.11.2018).
5. Барковская Н. В. Путешествие по Уралу с книгой: материалы для элективного курса [Текст] // Филологический класс. – 2016. – № 1(43). – С. 30-35.
6. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности [Текст] // Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – 424 с.
7. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров [Текст] // Бахтин М. М. Собр. соч. – М.: Русские словари. – 1996. – Т.5: Работы 1940-1960 гг. – С.159-206.
8. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М.М. Бахтин. – М. – 1972. – С. 178-179.

9. Бондарева А. Литература скитаний [Электронный ресурс] : / Журнальный зал, 2012. – №7.– URL: <http://magazines.russ.ru/october/2012/7/bo18.html> (дата обращения: 12.11.2018).
10. Бурлина Е. Я. Культура и жанр: Методологические проблемы жанрообразования и жанрового синтеза [Текст] / Е.Я. Бурлина. – Саратов, 1987. – С. 45.
11. Власова Е. Г. «Географически в Азии»: десемантизация евро-азиатской границы в уральском травелоге XIX века [Текст] //Международный журнал исследований культуры. – 2015. – № 4(21). – С. 85-96.
12. Даниленко В. П. Методы лингвистического анализа : курс лекций [Текст] / В. П. Даниленко. – М.: ФЛИНТА, 2011. – 280 с.
13. Дыдыкина О. А. Эволюция стиля русских литературных путешествий конца XVIII – первой половины XIX в. [Текст] / О.А. Дыдыкина – М.: Знание, 1998. – 251с.
14. ЕдимТВ. Сезон спаржи, еврей и местное пиво – Германия, Лейпциг [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BbY1OKmZtmY> (дата обращения: 12.11.2018).
15. Екатеринбург для больших и маленьких. Энциклопедия от А до Я (Учащиеся студии изобразительного искусства «Полосатый кот» и Дядя Эдя) [Текст]. – Екатеринбург, ТАТЛИН. – 2016. – 104 с.: ил.
16. Железнодорожный район: история и судьбы / под ред. М.Ю. Фирсова, Ю. А. Горбунова. – Екатеринбург, «Уральский следопыт», 2013. – 253 с.
17. Жил-был седой Урал : сборник топонимических легенд [Текст] /Под ред. С. Логиновой. – Екатеринбург: Азимут, 2013. – 228 с.: ил.

18. Заповедный сказ : альбом-раскраска [Текст] / под ред. К. А. Подойниковой. – Нижняя Сиячиха, 2018. – 37 с.: ил.
19. Зеленые горы, пестрый народ: В поисках связующих нитей: По следам путешествий Д.Н. Мамина-Сибиряка [Текст] / Авт. очерков А. П. Черноскутов, Ю.В. Шинкаренко. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2008. – 480 с.: ил.
20. Ивашина Е. С. О специфике жанра «путешествия» в русской литературе первой трети XIX века // Вестник МГУ. Сер. IX. Филология. – 1979. – № 3. – С. 3-16
21. Как писать травелоги. Cosmopolitan [Электронный ресурс]. URL: <https://mi-pishem.livejournal.com/62354.html> (дата обращения: 12.11.2018).
22. Каменный пояс России. Путешествие по Уралу с детскими писателями [Текст] / Колл. авт. – Екатеринбург: Генри Пушель, 2011. – 128 с.: ил.
23. КидПассаж. По следам детей-путешественников: лучшие книги о путешествиях и приключениях [Электронный ресурс]. URL: <http://kidpassage.com/publications/po-sledam-detey-puteshestvennikov-luchshie-knigi-o-puteshestvikah-i-priklyuchenijah> (дата обращения: 12.11.2018).
24. Колер Г.-Б. Размышления о региональной литературе в славянских литературах с позиций теории литературного поля // Рэгіянальнае, нацыянальнае і агульначалавечае ў літаратуры. – Гомель: ЦДІР, 2009. – 299 с.
25. Крестьянский сарафан Малахитницы: Культурно-исторические очерки [Текст] / Колл. авт. – Екатеринбург: ИД Сократ, 2003. – 368 с.: ил.
26. Кушвинов Ф.В. К вопросу о жанровом своеобразии детского африканского квазитравелога 1920-1930-х гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://elsu.ru/filologos/issues/115/articles/1656/> (дата обращения: 12.11.2018).

27. Лаврова С. А. Потешные прогулки по Уралу [Текст] / С.А. Лаврова [худ. А. М. Елисеев]. – М.: РИПОЛ классик, 2011. – 40 с.: ил.
28. Лейдерман Н. Л. Движение времени и законы жанра: жанровые закономерности развития советской прозы в 60-70-е гг. [Текст] / Н. Л. Лейдерман. – Свердловск: Сред.-Урал, книж. изд-во, 1982. – С. 135.
29. Лейдерман Н. Л., Володина Е. Н. Соцреалистический метажанр и его потенциал [Текст] // Русская литература XX века: закономерности исторического развития. – Книга 1. Новые художественные стратегии. – Екатеринбург, 2005. – С. 331.
30. Лейдерман Н.Л. Жанровые системы литературных направлений и течений [Текст] // Взаимодействие метода, стиля и жанра в современной литературе. – Свердловск, 1988. – С. 7.
31. Ленковская Е. Э. Сокровища Рифейских гор. О традиционных уральских искусствах – детям и взрослым. – Екатеринбург: Генри Пушель, 2014. – 256 с.: ил.
32. Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С. 74-87.
33. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Н.В. Гоголя // В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. – С. 251-293.
34. Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. – 2014. – №3(37). – С. 254-258.
35. Манаенко Г. Н. Дискурс и его отношение к речи, тексту и языку: сборник / Г. Н. Манаенко. – Пятигорск : Пятигорский государственный лингвистический университет, 2003. – С. 53-68.

36. Маслова Н. М. «Путешествие» как жанр : автореф. дис. канд. филол. наук [Текст] / Н. М. Маслова – М.: Знание, 1973.
37. Маслова Н. М. Путевой очерк: проблемы жанра [Текст] / Н. М. Маслова – М.: Знание, 1980. – 116 с.
38. МЕЛ. 10 детских книг для путешествий [Электронный ресурс]. URL: https://mel.fm/knigi/4196283-travel_mif (дата обращения: 12.11.2018).
39. Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Личность автора-путешественника в травелогe нового времени [Текст] / Культура и текст, 2014. – №3.– С. 6-18.
40. Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий: монография [Текст]. – Тверь: Твер. гос. ун-т. – 2013. – 176 с.
41. Мир квестов. Квесты для школьников в Екатеринбурге [Электронный ресурс]. URL: <http://ekb.mir-kvestov.ru/categories/for-scholars> (дата обращения: 12.11.2018).
42. Михайлов В.А. Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII-XIX веков : автореф. дис. канд. филол. наук [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-zhanra-literaturnogo-puteshestviya-v-proizvedeniyakh-pisatelei-xviii-xix-vekov/> (дата обращения: 12.11.2018).
43. Михельсон В. А. Путешествие в русской литературе [Текст] / В. А. Михельсон. – Ростов н/Д, 1974. – 108 с.
44. Мориц К.Ф. Карл Райзер [Электронный ресурс]. URL: <https://www.libfox.ru/521387-karl-morits-anton-rayzer.html> (дата обращения: 12.11.2018).

45. Никитина Н.А., Тулякова Н.А. Жанр травелога: когнитивная модель. – 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/129856324>.(дата обращения: 12.11.2018).
46. Ошанина Е.Н. Дневник русского путешественника первой четверти XVIII века / Е.Н. Ошанина // Советские архивы. – 1975. – № 1. – С. 105-108.
47. Подлубнова Ю.С. Жанр и метажанр: к проблеме разграничения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.netslova.ru/podlubnova/meta.html> (дата обращения: 12.11.2018).
48. Полонский А. В. Травелог и его место в современной журналистике [Текст] // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2015. – № 1. – С. 207-215.
49. Правда УрФО. Куйвашев вывел людей на демонстрацию [Электронный ресурс]. URL: <http://pravdaurfo.ru/news/kuyvashev-vyvel-lyudey-na> (дата обращения: 12.11.2018).
50. Русаков В. М. Дискурс травелога: образ Пути и Путника в мировой культуре [Текст] / Дискурс травелога. Сб. статей. Авт. - сост.: О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2009. – С.131-139.
51. Русская культура в зеркале путешествий : монография [Текст] . – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. – 176 с.
52. Рыжков А. М. Нарисованный город [Текст] // Изд. 3-е, доп. и перераб. – Екатеринбург, без изд., 2016. – 256 с.: ил.
53. Рыжков А. М., Рыжкова И. Г. Удивительная прогулка [Текст] // Уральское литературное агентство. – без изд., 2013. – ил.
54. Спивак Р. С. Русская философская лирика: Проблемы типологии жанров [Текст] / Р. С. Спивак. – Красноярск, 1985. – С. 53.

55. Татьянаничева Л. К. Стихи про Урал [Электронный ресурс]. URL: <https://rustih.ru/lyudmila-tatyanicheva-ural/> (дата обращения: 12.11.2018).
56. Топоров В.Н. Пространство и текст [Текст] // Текст: семантика и структура. – М., 1983, – С. 227-284.
57. Травелог – это испытание себя. Сибирский форум [Электронный ресурс]. URL: <http://sibforum.sfu-kras.ru/node/776> (дата обращения: 12.11.2018).
58. Травелог как новая форма журналистики о путешествиях [Электронный ресурс]. URL: <https://nauchkor.ru/pubs/travelog-kak-novaya-forma-zhurnalistiki-o-puteshestviyah-5a6f88357966e12684eea31f> (дата обращения: 12.11.2018).
59. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино [Текст] / Ю. Н. Тынянов. – М., 1977. – С. 255-270
60. Фрумкин К. Г. Откуда исходит угроза книги [Электронный ресурс] : Знамя. – №9.– URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/9/fr.html> (дата обращения: 12.11.2018).
61. Хоринская Е. Е. Наш город [Текст] / Е. Е. Хоринская. – Свердловск: Сред.-Урал, книж. изд-во, 1972. – 36 с.
62. Частный корреспондент. Горизонты новых идей. П. Подкосов [Электронный ресурс]. URL: http://www.chaskor.ru/article/gorizonty_novyh_idej_39054 (дата обращения: 12.11.2018).
63. Черноскутов А. П. С Бажовы по Уралу. Путеводитель [Текст] / А. П. Черноскутов. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2012. – 72 с.: ил.
64. Чернышевский Н. Г. [Текст] / Полн. собр. соч. - Т. IV. – М.: ГИХЛ, 1948. – 997 с.

65. Шпак Г. В. Травелог: поиск универсальной дефиниции. Четыре стратегии репрезентации пространства [Текст] // Преподаватель XXI век. – 2016. – № 3. – С. 261-277.

66. Экологический туризм на зеленой планете. Личные переживания – основа качественного травелога [Электронный ресурс]. URL: <https://ecoturizm.net/8721-travelogi-ili-kak-pisat-o-puteshestviyah.html> (дата обращения: 12.11.2018).

67. Я happy мама. 10 книг о путешествиях, которые помогут ребенку познать мир [Электронный ресурс]. URL: <https://ihappymama.ru/10-knig-o-puteshestviyah-totorye-pomogut-rebenku-poznat-mir/> (дата обращения: 12.11.2018).